

РА 1394 898

ИВ. ПОЛУЯНОВ

РОГА МЕНУРЕЯ

ИВ. ПОЛУЯНОВ

РОГА МЕНУРЕЯ

РАССКАЗЫ

*Владимир Васильевич Турин
с друзьями
от одного из вологодчан*

АРХАНГЕЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960

Владимир 1960 г.

Архангельск

Кто бывал в тундре, тот, наверно, приметал над домами поселков и стойбищ олени рога, прибитые к конику избы или над крыльцом. Что это означает? Только ли украшение?

Юный читатель книги Ивана Полуянова «Рога менурея» узнает из его рассказов об этом и о многом другом. Он как бы совершит путешествие по Северу: в тундру, где пасутся тысячные олени стада; в глубь лесов, к лесорубам; на луга, раскинувшиеся по берегам Северной Двины.

Читатель познакомится с юными героями рассказов, пройдет с ними по страницам книги и примет горячее участие в судьбах и делах своих сверстников.

РОГА МЕНУРЕЯ

то за олешек был этот менурей — белый, как полярная сова — ханёбце! Сединой отливал его гладкий круп, влажны и горячи были его темные, в жестких ресницах глаза. В его поступи, в том, как он запрокидывал рога, храпя и напрягаясь в присутствии пастухов, косил сверкающими зрачками, да и во всем облике менурея чувствовалась дикая стать, не присущая домашним спокойным оленям. Летел ли

он сбоку стада, острыми пощелкивающими копытами вспарывая снег, стоял ли один на вершине Моховой сопки, — отец хлопал Яшу по плечу, цокал языком:

— Саво!.. Хорошо!

Яша тоже цокал, говорил: — Саво!

Менуреев отличишь в стаде. Им не знакомы кочевья в упряжке, горячая скачка на песцовой охоте загонном. Их не приручают, и хорей не касается их спин. У менуреев свое место в тысячных стадах. Весной или осенью, случается, и зимой —дохнут на тундру сырые ветры, потом ударят морозы, и ледяной коркой схватывается снег. Крепка броня гололеди: олени в кровь ранят ноги, пытаются пробить ее, добыть корм — мох-ягель и траву. Тогда впереди стад оказываются менуреи. Под ударами их мощных копыт лед дробится, со свистом отлетают плитки наста. По следам менуреев тянутся быки-хоры,

оленухи-важенки — все олени, волнами переливаясь по тундре, чернея лесом рогов...

И кое-где по тундрам ведется обычай украшать жилье рогами менуреев, обычай, окрепший с тех пор, как ненцы стали переходить к оседлости. Примишь в стойбище на конике дома, над крыльцом, рога менурея — знай, тебя встретят оленщики, хозяева тундры.

Да, подстать белому менурею никого не найти в стаде! Яша любил рассказывать о нем ребятам в школе.

А приехал в родной чум на каникулы — нет менурея.. Загрызли волки.

— Не горюй, — утешал отец. — Так мужчине не пристало..

— Да-а... не горюй! — отворачивался Яша.

— Мы вырастим другого менурея, назовем его Ракетой Ну?.. Ты бы взял олешков да куроптей пострелял, — продолжал отец, переглядываясь с матерью, хлопотавшей у очага. — Нето привезу тебя обратно в интернат, учитель Николай Иванович шибко меня забранит. Скажет: «Неладно, товарищ Хатанзей, что твой Яша грустный. Наверно, не давал ты Яше ружья и упряжки оленей...»

Яша рассмеялся.

Он натянул меховые тобоки на ноги, надел малицу.

Личные олени колхозного пастуха Федора Хатанзейского паслись, как и следовало, у чума. Пятью из них распоряжался Яша. Это его олешки, ничьи больше. Он не помнит, когда отец отдал их ему. Яша ходил возле чума, держась за нарты, но у него уже были свои олени. Так на Большой Земле детям дарят трехколесные велосипеды...

Ременным арканом — тынзеем Яша поймал тройку оленей. И скоро полетел во весь опор от чума.

— Эге-гей! — потрясал Яша длинным хореем. Дух захватывало от быстрой езды. — Хэ-хэ!

Сухо постукивали копыта. Нарты заносило, раскатывало на сугробах, сглаженных ветрами.

Синели дальние сопки с темной каймой лесов у подножий

Олени часто шарахались в сторону — это из заросли низкой яры — ивняка, пугая их, вылетали куропатки.

В азарте Яша мазал беспощадно. И ничуть не горевал о промахах. Мчатся на оленях, видеть тундру... что еще человеку надо!

Он не придавал значения тому, что окреп ветер. На то и гундра, чтобы по ней гулял ветер!

Упряжка неслась дальше и дальше...

— Хэ, хэ! Мерку... мерку!

Вечерело. Ветер стал резок и колюч. Облегая небо, вздымалась за сопками мутная хмарь.

— Ювэй! — пробормотал Яша, разворачивая упряжку. — Однако пурга будет. К стаду надо...

В тундре многое свершается вдруг: внезапно накатит ветер со снегом, завьется, закружит, но так же вдруг и утихнет, не победив белой пустыни, растеряв в борьбе с ее просторами былую силу. Яша был спокоен: до стада он успеет доехать. Не впервой!.. Отец, наверно, уже там.

Сугробы запылили. Прозрачные струи поземки превратились в потоки, и упряжка словно тонула в них, ныряя среди застругов.

— Нерня... Мерку, мерку! — погонял Яша оленей. — Вперед... Живее, живее!

Пурга секла снегом притомившихся оленей. И как ни дергал вожжой, ни грозил Яша хореом, упряжка норовила развернуться по ветру. Все вокруг посерело. Яша напрягал слух, но нет, не стучат погремушки-тачки на рогах оленей, не хоркают робкие оленухи-важенки...

Неожиданно упряжка пересекла след нарт.

Ювэй! След свежий. Олени кружат на месте — вот что означает этот узкий след полозьев. У Яши морщины на лбу. Неужели заплутал?

Пурга накатилась. Небом и тундрой овладела свистящая, стонущая мгла. Падрывный визг «а-а-а!» сверлил уши.

Удары хорея не прибавляли оленям резвости. Они едва плелись в летучем снеговом месиве. И стали, опустив заиндевелые морды, кашляя и поводя боками.

— Видно, в куропачий чум пора, — вслух размышлял Яша. — А то — околею!

Он уложил оленей, опрокинул нарты. И, вырыв в снегу яму — «куропачий чум», — свернулся в ней, с головой спрятался в малицу.

Надолго ли пурга? Бывает, она длится и неделю, заносит аргиши — олени караваны, застигнутые врасплох непогодью. Бывает, гибнут олени, гибнут люди. Всяко бывает! Яша плотнее прижимался к снегу, кутался в малицу.

Метель — волчья пора. В метель пропал и белый менурей. Три дня тогда бушевала пурга, снегом курилась Моховая сопка, олени находили прибежище в редком леске, в низинах, и отец не покидал лыжню, охраняя стадо с собаками Нохо и Тюлисеом. Изнемог, обморозился, а менурея и пары ездовых оленей не досчитался. Беда!

— Злая хад! Дурная хад! Олешков с пути сбил! — ругал Яша пургу — хад.

Подбадривая себя, расстрелял патроны, вздремнул маленько...

Стемнело. Пурга ревела, лепила и лепила снегом — сухой, колючий, он скоблил щеки, забивал глаза, рот.

Из оленьих шкур малица, но стужа проникала и сквозь густой мех, чуть только высунься наружу.

Был бы Яша дома, если б направил упряжку не к Моховой сопке. Доверься оленям — они вывезут, чутьем найдут дорогу к чуму. Яша доверился себе...

Клонило в сон, хотелось есть. Яша пошарил на нартах, где под шкурой спрятал убитую куропатку... Нет! Обронил впопыхах.

— Худо... Шибко худо!

Что сейчас — ночь? день? Метет, стонет, завывает свирепая хад, земля и небо — один слепой вихрь и мрак.

Яму замело, и Яша пробил головой отверстие в снегу, чтобы легче было дышать. Ювэй! Как же это куропатки в снегу живут?..

Мучил голод... Чум... На очаге потрескивают сучья. Варится оленина в медном котле. Жирная, сочная! Мясa много, оно аппетитно пахнет. А мать готовит строганину: режет

рыбу на узкие ломтики. Рыба мороженная, стружится легко. Кажется, это сиг — нежный, вкусный сиг. Строганина тает во рту, ее макают в плоску с рассолом. И едят, едят! Сперва строганина, потом оленина, сырая и вареная. И чай... Горячий чай! Он обжигает губы, его хорошо пить с морозу — по всем жилам так и разливается тепло...

Яша не заметил, как забылся.

Его разбудило ощущение тяжести. Что-то навалилось на плечи, давило грудь. Темень — хоть глаза выколи... Под толщей наметенного пургой снега «куропачий чум» обратился в ловушку. Снег был плотен и тяжел, как песок. Он сковывал по рукам и ногам.

Долго бился Яша. В кровь ободрал ногти, царапая снег. Выполз все-таки.

Дышать, дышать! Но ветер срывает с губ воздух. И света нет — ночь. Ночь, снег и ветер.

Яша тоскливо закричал.

Не зови на помощь — велика тундра, никто не услышит. Упасть ничком, уснуть — одно осталось. Будь что будет.

Яша ощупал на поясе нож. Ножны украшены клыками белого медведя. Нож отцовский. Яша мечтал о таком и украдкой взял его в чуме.

Клыки медведя... Было так, что отец охотился на прибрежном припае — бил тюленей. Налетел шторм, и на льдине ветром оторванной от припая, отца унесло в море. Больше недели плавал он, пока не прибило к берегу, — один среди льдов, в шторм. Отец жег тюлений жир, чтобы обсушиться и согреться, питался тюлениной. Один патрон оставался в винтовке, когда подошел медведь. Зверя привлек запах горящего жира... Клыки этого медведя на тонких ремешках привешены к ножнам.

Яша приподнялся. Ветер ударил в грудь, швырнул наземь и покатил. Унесет! Яша вонзил нож в снег. Удержался. И пополз, путаясь в полах малицы.

Пургу побеждает сильный. Еда — сила.

Сквозь летучий вихрь проступили олени рога. И скрылись.

Только бы не спугнуть оленей! Темные глаза следили за Яшей. Они таили печаль. Они хотели жить. Олень не двигался и смотрел на Яшу.

— Глаза... Закрой глаза! — Яша отнес нож назад, чтобы с силой полоснуть оленя по горлу.

Олень кротко смотрел в темень и пургу.

Зажмурился Яша... Нож звякнул, будто ударился о камень, и выпал из пальцев, скрюченных холодом.

Олень был мертв. Он замерз и уже окоченел.

По тундре кружила пурга.

И там, где стали олени, нанесло новый сугроб, а из него торчал длинный хорей...

* * *

Федор знал, где искать сына: если пурга, место оленшика у стада.

Все же странно, что верткий пролаза Тюлисей сначала откопал оленей.

— Пять суток пуржило, — бормотал Федор. Блеск снегов слепил его, и по черным обмороженным щекам из уголков прижмуренных раскосых глаз стекали слезинки, путаясь в редких усах.

— Пять суток... Пять суток!

Он едва держался на ногах, его шатало.

Тюлисей, между тем, рыл лапами снег глубже и глубже. Он копал снег у нарт с вмерзшими в сугроб полозьями, взлаивал и крутил хвостом.

Федор не смел подойти к собаке...

А когда Яша очутился у него на руках, он мог выговорить только одно:

— Сын... сынок!

Неделю спустя Яша снова был в школе, где над входом прибиты побелевшие от дождя и солнца разлатые рога менурея, опять рассказывал ребятам, какой в отцовском стаде растет замечательный олешек Ракета, и прятал по ночам под подушкой нож в ножнах, украшенных клыками белого медведя, — как бы чего доброго не отобрали дорогой подарок! Скажут, нельзя, спорить ведь не станешь...

КОМЕТА С МАДАГАСКАРА

вистит сиверко в рыбацких сетях, развешанных для сушки на колья. Холодом дышит море. Зыблются в сумрачной дали паруса шхун и ботов. Облаком темнеют, подолгу не рассасываясь, чадные следы пароходов.

Насуплены затравевшие лбы песчаных дюн, темен ельник. Черны кресты на берегу в память тех, кого в давние времена взяло море. Шумит, шумит прибой в обомшелых камнях. От ветра солонют губы.

А есть на свете зеленая страна Мадагаскар.

Мадагаскар!.. Саня знает, что там вечная весна, стужи не бывает никогда. Там папоротники выше наших сосен — кривых, с сучьями, изуродованными непогодью. Там в реках крокодилы, вместо овса на полях — рис. На Мадагаскаре летают кометы, слышали?

— Брось, — убеждал его Павлуша, единственный, кому Саня доверился. — Шальной ты... До Пертоминска бывал ли. а Мадагаскар ему подавай. Вконец зачитался! Мадагаскар что? Перво-наперво колония. До твоих комет там, как же. Не смей людей. Не смей! И дорогу тебе туда не найти.

Да все неймется Сане. И по ночам ему, как наяву, виделись пальмовые урочища, желтое знойное небо, голубые горы. И бабочки — пестрые, нарядные и такие громадные, что их можно принять за птиц. Их крылья, как косые паруса, иссиня-

черные, сверкающие, или голубые, а то огненные, будто закат перед бурей. Солнце, влажной духотой исходят джунгли — все в таинственных шорохах. То стремительно, то плавно перелетают от дерева к дереву бабочки. И первая из них — комета, диво-дивное, с радужным хвостом на крыльях...

Чудился Сане шум, треск ее крыльев в полете, бабочки с Мадагаскара. А проснувшись, узнавал, что это трещит будильник и пора в школу...

Надо сказать, Павлуша втайне побаивался: Саня — он такой, сманит и на Мадагаскар. Сманит за милую душу!.. Радугу в лесу уже искали? А то как же! По сорочьим гнездам лазили? Ну, ясно. Кто ест сорочьи яйца — во как умнеет! Поумнели... Мало того, что сороки все уши насквозь прокричали, они еще известкой дружков облили.

А разве в колодец они с Саней не спускались: спутника смотреть? Саня сказал, что ночью все спутника видят, а вот днем — никто. Днем можно только из колодца, потому что оттуда дневные звезды видны. Такие звезды, что их редкие выдвали. Ха, редкие! Батя узнал про колодец, такого подзатыльника Павлуше дал — и звезды и искры из глаз посыпались, хоть пригоршней подбирай. «Ну если б ты утонул?»

А на Мадагаскаре побывать не лишне бы, да турнуть бы оттуда колонизаторов, чтоб духа их не осталось, да напоследок и эту самую комету за хвост поймать! Вот бы по деревне разговоров было!

* * *

Ребята постарше на путине. Лето.

Куда себя девать малолеткам, вроде Павлуши с Саней? Какие еще из них зуйки! Зук — бойкий куличок. Вечно весел, вечно в беготне по берегу моря. Таков удел и «зуйка»-юнга на рыбацьем судне. Зук туда, зуек сюда. Наживлять крючья перемета на треску — зуек, готовить обед, мыть посуду — он же. Крутись по палубе день-деньской! И каждый мальчишка готов бы в зуйки, да не всех берут.

Саня ходил с отцом на море. У отца он один, разве отец не потешит! Уловы были что надо. Саня сети тряс, треску, палтусов помогал шкерить — разделявать перед засолкой. Возле бригадира, деда Ивана Тимофеича, вьюном увивался. Дед на вахте у штурвала, с ним и Саня. Руки у деда заняты — Саня свернет сигарку, спичку зажжет — прикурить.

Да все не впрок! Больше одного раза на путину все-таки не взяли...

— Ватажку сбить, что ли? — сказал Павлуша при встрече. — Ты, Саня, скор на ногу. Позови, кого надо.

Потекла к морю ватажка — с угора на угор, с угора на угор. Девочки-домовницы ведут спотыкливых сестриц и братьев, степенно вышагивают будущие зуйки, пестрой стайкой бегут, вытирая на ходу носы, ребята помладше.

На берегу перво-наперво запалили костер. Кто принес картошки, печет. Кто так сидит.

Душно. Парит сегодня, возле моря и то маята.

А вода в море... бр-р! Окунулся и — во всю прыть к костру отогреваться: нос синий, кожа в пупырышках, вихры торчком.

— Закалка! — Павлуша и Гена Баландин шлепали себя ладонями по мокрым животам. — У-у... что ты! Первый сорт закалка!

Саня хлопал себя по животу молча. Куда ему до атаманов ватажки!

Нашли в камнях морскую звезду. Медузой позабавились, подкидывая ее палками... И улеглись на песке, загорают.

Плещется море, гладит мягкой лапой отмели, бьет в камни. Оно лиловое, полно светлой глубины, и нет ему конца-краю. Шум прибоя как тяжкие вздохи. О чем ему тужить — широкому, такой необъятной раздольности морю, что при одном взгляде на него у Сани теснит грудь и кружится голова!.. Подперев ладонью щеку, застыл Саня. Словно не видит уже моря, так привык к нему. Зато зорко нащупывал глазами и одинокое бревно, плывущее неведь куда, и голову тюленя, прочерневшую среди волн. «Тюля и есть тюля, — усмехается Саня. — Куда заплыл-то!» Хлопьями пены белеют чайки на песчаной косе, напротив маяка. Шторм ворожат!.. Судно разматывает за кормой ленту дыма. Похоже, лихтер бежит на Онегу.

С виду Саня нескладен и неловок: длиннорук, сутуловат, ключицы остренькие, выпирают. Волосы белые, шишом, а глаза смотрят прямо, как у птицы, и что-то таится на самом их доньшке — что, и не разберешь сразу. Безбровое лицо тонко и розово. Загар к Сане никак не пристает: идут по спине, по плечам веснушки — и все, хоть зажарься на солнце вконец!.. Да и мало его бывает — солнца. А другим хватает — ходят черные, за лето с носа у них семь шкурок слезет.

Рев, грохот обрушился на ребят. Пронесся реактивный самолет.

— Ту-у! — долетел приглушенный расстоянием гудок.

— «Без тебя знаем, что ТУ!» — подумал Саня.

Девочки засобирались домой: мол, туча подымается, дождь сулит.

Павлуша отряхнул с трусов песок, прищурился на тучу, наплывавшую из-за кромки прибрежного леса:

— Когда-то дождь будет! Может, успеем повоевать?

— Успеем! — Саня бросился к ухоронке в завале плавника — бревен, вынесенных морем. Хвагь-похватить — пропал меч. Море тут побывало — в большую воду, в прилив...

— Экий ты... зюзя! — горько махнул Павлуша. — Без оружия, так ступай в Генкину армию!

Поставили Саню знаменосцем. Палку в руку и — стой! Самых маленьких берут в знаменосцы, лишь бы не куксились, ревом не портили игры. И Саня будто ровня им...

Ладно что Павлуша отходчив.

— Чье знамя попадет в плен, те и синие, — сказал веско. — А мы красные будем.

Девочки опять загалдели, все смяли. Будете, все будете синими! Ужо прополощет дождем, враз все посинеете, вояки!.. Подхватили на руки младшеньких, потащились от берега в сарай, от грозы прятаться. В сарае раньше соль хранили, когда на берегу солеварня работала. По сей день из скважины рассол хлещет, да никто его не выпаривает, как бывало.

Стены кособокого сарая насквозь просолены, давно бы иструхли: соль, сказывают, держит.

За лесом прогудело глухо...

— Артиллерийская подготовка! — обрадовался Павлуша.

Пошла потеха! Копья скрещиваются, стучат мечи-деревашки по фанерным щитам. Бывает, и по головам тоже. Не драка — не считается. Кому-то на ногу наступили — захромал. Шум, беготня...

А ты стой и стой с палкой. Позабыт уговор — никто не падает.

— Тыр-тыр-р-р... — строчат автоматы. Набивают мозоли на языках старательные автоматчики, себя не жалеют.

Саня вздохнул... Ах, лихо бы он бегал вместе со всеми, нанося сокрушительные удары по крапиве и высоким дудкам!

Ой, что это? Отступает Генкина армия...

Внезапный порыв ветра поднял, закружил песок. Серая завеса накрыла берег. Песок запорошил Сане глаза. Пока протирал их, ребят от моря будто ветром сдунуло. Мелькнула за грудой плавника последняя фигурка... А туча — вот она, нависла. Пухнет, ширится. Все вокруг потемнело, посуровело.

И вновь тяжело налег ветер, засвистел, словно белый медведь в когти: «у-у-у!». Хлынул ливень холодными струями. Они изгибались, хлестали вкривь и вкось.

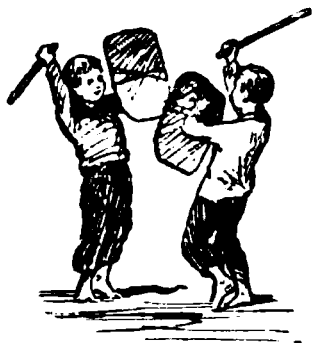
Гром грянул оглушительно. Хоть бы небо уцелело! Саня втянул голову в плечи, зажмурился. Он боялся грозы и дома, бывало, прятался от нее в подполье или на поветь.

Небо осталось цело, Саня открыл глаза.

— А вот не уйду...

Дождь как бы смыл окрестности, сузил мир в крохотный островок. И жался на островке Саня, стискивая в руке палку — знамя своей армии. Все знают: армия жива, если сохранено знамя.

Всплеск молнии раздвинул границы мирка, в котором очутился Саня, выхватил из бегучей дождевой мути берег, камни, на которых плясал, подпрыгивая, дождь, и белую березу на опушке леса. Береза, просияв, будто сморгнула. Сухо, раздрающе за-

громыхало. «Трах-тах» — укатились вдаль рокочущие, как бы живые звуки.

И захватила Саню гроза у моря, гул ее, грохот.

— Пуще! Пуще! — кричал Саня и размахивал палкой. Его полосовал дождь, до костей пронизывал ветер, он захлебывался в потоках лившейся сверху воды. Он был наедине со штормовым, дико бушующим морем, наедине с грозовым небом, и было Сане сладко и жутко противостоять гулу непогоды. Рванул ворот рубахи, подставил грудь струям дождя, упоенный всем тем, что так неожиданно открылось ему.

Палка из рук вырваться хочет, пружинит на ветру, будто там, высоко, плещется, пощелкивает полотнище знамени. .

— Пуще! Пуще-е!

* * *

Поблекнув, грозовая туча завалилась за море. Утих ветер. Саня и Павлуша стояли рядом.

— Шальной... ну, шальной! Я из сарая выбежал, тебя звал, разве не слышал?

Саня молча покачал головой. Мокрая рубаха липла и холодила спину, штаны обвисали сзади мешочком.

Подсвеченная солнцем рваная кромка тучи рдела, наливалась голубыми, багряными, желтыми красками. Точь-в-точь комета с Мадагаскара! Саня, приложив ладонь к глазам, смотрел и не мог насмотреться. И темные донышки его глаз голубели.

А Павлуша подошел к Гене, протянул руку:

— Ладно... Ваша победа!

Ребятишки и чайки бродили по лужам. Луж навело много, всем хватало.

КАПИТАНЫ

1

ой папа — штурман дальнего плавания. Он в рейсе, от него больше недели ничего нет, и мама уехала в морепароходство узнать, есть ли там вести о папе или его судне.

Без нее почтальон принес письмо. Конечно, от папы! Толстое! Конверт сплошь в штемпелях: попутествовало же письмо, прежде чем попасть к нам, в Маймаксу! На марке — заграничный вулкан.

Вот мама обрадуется!..

Я люблю, когда мама радуется, но ей не по нраву мой характер, и она говорит, что в один прекрасный день я ее сведу окончательно в могилу и что лучше мне было мальчишкой родиться, раз я готова с утра до ночи сломя голову носиться по улицам, лазить по крышам дровяников и вообще вытворять такие штучки, за которые по головке не гладят. А тетя Катя, Костина мама, судит наоборот: ах, если б Костик был девочкой, она была бы спокойна.

Вы что-нибудь понимаете? Я понимаю, что это — мамы, и все.

Я, кажется, заболталась. Так вот, я была одна. И беспокоилась за маму: уехала без зонтика, в такую-то слякоть. Ведь сентябрь кончается! Мне наказывала: не высовывай носа дальше кухни! А сама?

Вечер и дождь на дворе, а ее все нет.

Спасибо Косте — принес шашки.

Уй-уй, закипело сражение! Костя проигрывал. Костя жульничал, хватался за голову, но я «лично возглавляла» шашечные войска — Косте приходилось туго.

— Кролик! — вопил он на всю квартиру и смешил меня до слез. — Жалкий кролик за шашечной доской!

И мы никак не предполагали, что живем накануне удивительных событий...

Во двор въехал грузовик. Стукнули борта открываемого кузова. Не новые ли это жильцы?

Я выскочила в коридор и нос к носу столкнулась с морячком. В черной шинели с двумя рядами светлых пуговиц, во флотской фуражке с крабом. С настоящим!.. Фуражка была велика, налезала морячку на уши. А краб — заметно, что пришит нитками. Морячок моргал, как от сильного света: наверно, в первый раз увидел такую рыжую девчонку. Не зря меня дразнят осколком солнца.

— Здравствуйте! — морячок задел меня узлом и прошел к комнате, в которой раньше жил слесарь Авениров из зато на. И все назад тарашился...

Пронесла фикс высокая худощавая женщина в белом платке, повязанном низко на глаза, и синем пальто колоколом. Прошел шофер с чемоданом. Морячок так и сновал с узлами, с кошелками...

Я раз-два и — познакомилась. Вовсе я не прилипала. должна я знать соседей, верно?... Они переезжают из Бакарицы — портового района нашего Архангельска, а еще раньше жили в Калининграде. Мама у Игоря Куракина — так зовут морячка — библиотекарь, через нее любые книжки можно достать. Ходит Игорь в шестой класс, а в прошлом году у него была собака Тарзан, да ее поймали в фуру. В поселковой школе один шестой, мы станем учиться вместе...

Игорь огляделся, быстро вынул со дна кузова ржавый якорек, сказал шепотом:

— На, поддержи. Осторожнее, Ира. Это — вещи! Под ногами такие не валяются.

— А для чего тебе якорь?

— Молчи! Разве это якорь? По-маминому, — якорь, а на самом деле обыкновенная кошка. Для пашки. У меня и цепь есть, она в чемодан спрятана.

— А зачем Пашку на цепь сажать? Да еще с железной кошкой? Он что, ненормальный?

— Пашкой полярники называют лодку для плавания между торосами, — пояснил Игорь снисходительно и отобрал у меня якорек. — Вопросы есть?

Уй, до чего важный... И какие вопросы, когда поголовно всем ребятам не терпится иметь лодки! Хоть щелястые плоскодонки, хоть байдарки — лишь бы свои, собственные. Чтобы плыть по Маймаксе и воображать себя моряками. Мы живем на острове, без лодки у нас — труба. Слоняйся по поселку, будто после кораблекрушения!

Однако Игорю я посоветовала:

— Не очень надувайся... пашка с кошками!

Потом приехала моя мама. И мы сели рядом на диван читать письма от папы: мама — свое, я — свое. В одном конверте папа послал два письма.

«Как жизнь, мой Рыжик?». Ах папа, если б ты был дома!

Мой папа необыкновенный. Главное, он не ругает меня за мой характер. Мы понимаем друг друга без слов. Посмотрим друг другу в глаза и — готов заговор, чтобы выручить папу. Потому что дома папа сразу попадает в плен к маме, и она не спускает с него глаз.

Один раз мы связали веревочную лестницу. И рано-рано удрали на весь день из дому. Удрали, спустившись из окна второго этажа. Это было здорово!..

Опасаясь погони, беглецы-горемыки попетляли по поселку, запутывая следы, и махнули в дальний конец острова, на луг, к лесу. Там жгли костры, прыгали через огонь, лазили по деревьям... да, я и мой папа! Потом удили, строга́ли перочинным ножом деревянный меч.

И предстали пред светлые мамыны очи: папа с мечом, я с колюшками на кукане.

— Прими дары, государыня! — упал папа на колени. — Повинную голову меч не сечет.

— Мучители мои! Душегубы! — ругала нас мама и смеялась, прижимая ладони к щекам.

А колюшек не стал есть даже обжора-кот Мурзик: уж очень колючие и костлявые эти рыбешки.

Ах папа, если бы ты был сейчас с нами.

Опять ты в дальнем рейсе. Пишешь, что когда проводили учение «Человек за бортом», поймали черепаху. И ты везешь мне ее панцирь. Он красивый, да?

А почему мне грустно?

Папино судно «Чукотка» вышло из Архангельска, держа курс на Диксон. Все считали, что оно пробудет в походе недолго. Обернулось по-другому... Судно получило задание снять зимовщиков с одной арктической станции, а ледовая обстановка не позволила плыть обратно Северным морским путем, и «Чукотка» ушла во Владивосток. И теперь огибают по южным морям Азию, и папино письмо помечено японским городом.

Я взяла с комода раковину, приложила ее к уху. В раковине шумело, шумело... Как волны! Раковина долго лежала на берегу. Ее привез папа.

Постой-ка, постой! И у Игоря Куракина нет дома папы Где он?

2

Игорь пришел в класс в наутюженных брюках, белой рубашке с отложным воротничком и спортивной куртке с застежкой-молнией — подтянутый, строгий. Красный галстук тоже выглажен. Фуражка с крабом сдвинута на лоб.

— Цирк! Вырядился, как на парад... — Костя скривил губы и вразвалку, руки в карманах, подошел к Игорю. — Ну, привет!

Все замерли: Костя, сам Костя козыряет! Что-то будет?

Игорь пожал протянутую ему руку и покраснел. Пухлое круглое лицо его перекосилось. Это Костя сжал ему ладонь как клещами. И вдруг Костя словно переломился напополам щеку и нос у него повело на сторону!

Мы рассмеялись.

Выдержал новичок испытание!

— Салажонок! — Костя вырвался и замахал кулаками. — Ха, он еще в капитанке... С крабом! Давай сюда фуражку салага. Ну? — И сшиб фуражку на пол.

Костя явно напрашивался на драку.

Игорь побледнел. Да как схватит Костю за пояс! Р-раз!.. Мелькнули длинные ноги, серые Костины носочки. Костя охнуть не успел, как брякнулся в проходе между партами...

И — вошла Нина Павловна, наш классный руководитель. Мы кинулись к партам. Ну, тарарам поднялся!

При виде Кости, на полу чесавшего уши блонный затылок, и взъерошенного Игоря Нина Павловна и пенсне сняла.

Костя вскочил, Игорь растерянно одергивал куртку.

— Ну-ка, борцы, дневники на стол. Хорошо же новичок себя рекомендует!.. Странно... — листала Нина Павловна дневник Игоря. — Замечаний по поведению нет. Из отметок — ни одной ниже четверки. Садись, Куракин, на свободное место к Виле Бровману. Мурашов, мамоево побоище — твоя затея? Молчи, не слушаю твоих оправданий!

Костя переминался с ноги на ногу и с тоской смотрел в потолок.

— У нас не драка... У нас покамест просто так...

Нина Павловна была очень нами недовольна. И задала к субботе сочинение. Наверно, в наказание! Хорошо, что на свободную тему. Лишь бы слов на безударные гласные больше было, а так — строчи, о чем хочешь.

На перемене Игорь предложил:

— Мир?

— Ха... Струсил! — Костя засветился от радости.

Они стояли в кольце ребят — Костя и серьезный насупленный Игорь, коротышка-коротышкой, сивые брови, как колоски. И губы подозрительно подрагивают...

* * *

Схватка состоялась за дровяником на куче опилка. Земли у нас в поселке мало, везде — щепа, опилки, потому что поселок наш заводской. В нем два лесопильных завода и домостроительный комбинат.

Схватка, по уговору, была честная — без подножек и кулаков. И без судей: суди Костю, а он потом надает по шее за здорово живешь.

Два соперника люто ходили по кругу, как тигры. Руки в карманах. И небрежно сплевывали: Костя сквозь зубы. Игорь под ноги. Получалось у него это неважно, и Костя задирали:

— Слабак ты! Я тебя одним мизинчиком... во! Коленки у тебя трясутся... ха-ха!

— А ты? Ну, начинай, — бодро отвечал Игорь. — Начинай!

Костя растопырил ручищи и с воинственным воплем внезапно ринулся на Игоря. Игорь ловко отпрыгнул, и Костя сшиб с ног разиню Вилю Бровмана. Дальнейшее произош

ло мгновенно. Костя налетел с новой яростью и... О-о! Уже дрыгал ногами. И сидел на нем Игорь, прижимая его плечи к опилку.

— Ур-ра!— завопил Виля, и все смешалось. Ребята кто в восхищении хлопал Игоря по плечу, кто отряхивал с его куртки опилки.

— Довольно,— встал Игорь, отдуваясь.— У тебя, Костя силы — ого-го! На троих хватит. Но меня, знаешь, один флотский приемам самбо научил: как обороняться от вооруженного противника.

— От вооруженного!..— Ребята переглянулись.

Костя поднялся с опилка. Сплюнул как ни в чем не бывало.

— Слушайте, вы... Кто заденет новичка, будет иметь дело со мной!— Костя сунул свой кулак почему-то под нос Виле Бровману. — Поори у меня, получишь!— Тот захлопал глазами. И у остальных лица вытянулись. Кто ж это посмеет тронуть Игорька, если он самого Костю так навернул, что опилки столбом!

Костя обнял Игоря за плечи, и они зашагали со двора в ногу, повыше поднимая носы. Ребята почтительно сопровождали их, толпились сзади и наступали друг другу на пятки.

Виля забежал вперед.

— Ты, Куракин, вправду приемы знаешь?

— Капитану многое нужно знать,— загадочно ответил Игорь, чеканя каждое слово, и выпятил подбородок. Подбородок у него круглый, с ямочкой. Игорь белобрысый, в жолобке шеи на затылке смешная крохотная косичка — светлым таким, пушистым хвостиком.

3

Алла Константиновна на курсах — у Игорька хлопот по горло: по магазинам бегать, в столовую с судками за обедом, дрова колоть, воду с колонки носить. Круглый, толстый, он катается, как колобок, то туда то сюда...

У Игоря есть баян. Играет он замечательно. И поет. Больше всего про кочегара, как он до последнего вздоха правил вахту:

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали...

Я забыла, что задано по алгебре, и пошла к Игорю. Постучалась в почтовый ящик, висевший на двери.

— Прощу,— Игорь вежливо пропустил меня вперед в комнату.

Две кровати застланы байковыми одеялами. Комод, полки с книгами. На стене большая карта Арктики: стрелка от Архангельска, пересекая Белое море и Ледовитый океан, целится в Северный полюс. Фотография в красивой раме: моряк с погонами офицера и орденскими колодками на кителе.

— Папа! — Игорь перехватил мой взгляд. — Фронтальной снимок, с Балтики. Баян тоже папин.

— И у меня папа моряк,— сказала я. — Ты знаешь, какой он у нас! Ой, что ты!

И меня понесло!

Когда папа возвращается из плавания, его судно, с широкой низкой трубой и белым капитанским мостиком на корме, тесно в нашей Маймаксе. Перед ним расступаются встречные шхуны, лихтеры, боты, которыми вечно забита река. Он гудит на поворотах и идет медленно, словно устав после далекого пути по морям и океанам. Голос папина судна я различу из тысячи гудков — густой басовитый рев сирены.

Обычно папа возвращается домой в начале навигации, когда улицы поселка запахнут угольной гарью, ржавыми якорями, обрызганными соленой морской волной, и сохнувшей на бортах судов краской, смолой и тиной — от плотов леса на реке, от штабелей досок на заводских складах-биржах. У причалов тогда выстраиваются иностранные суда, издалека приплывшие за лесом. Гремят лебедки, кричат грузчики: «Вира-а! Майна помалу... помалу-у!» Бродят по улицам поселка свободные от вахт матросы — англичане, греки, норвежцы, негры, немцы, датчане...

Хорошо! И папа дома. Мой папа!

Я хотела спросить: «А где у тебя папа, Игорь?» Но Игорь сидел, опустив плечи, сцепив руки в коленях, и белые пушистые ресницы его вздрагивали. И был он хмур и задумчив.

Немудрено, что я промолчала. Вон у Кости есть отец, а живут они врозь. Костя по воскресеньям ездит к отцу, директору магазина в Соломбале. Один раз привез ученическую форму и готовальню. В форме Костя по сей день щеголяет, готовальню променял на пару голубей, потом голубей — их негде было держать — на фонарик-«жучок». В другой раз возвратился с набором масляных красок, поймал чью-то козу.

разрисовал ее, и хозяйка козы чуть в обморок не упала. А Костю водили в милицию.

Тут кто угодно на моем месте прикусил бы язык.

Игорь молча достал из шкатулки на комод... золотой орден Великой Отечественной войны!

— Папин. Я хранитель его ордена. По закону.

— А почему по закону?

Не отвечая, Игорь дал мне подержать — в своих руках! — орден Красной Звезды и две медали «За боевые заслуги».

— Мамины награды. Она была на фронте. Трижды ранена. Папа с мамой в госпитале познакомились.

Игорева мама имеет боевые заслуги? Я поразилась... Потому что Алла Константиновна тихонькая, скромная и вовсе не боевая. На кухне ее голоса не слышно. «Будьте добры», «пожалуйста», «извините, моя керосинка чадит» — все ее слова.

Тетя Катя — вот боевая, вот умеет шуметь! Когда ругает своего Костика, прохожие у дома останавливаются, глядят в окна: что там, уж не пожар ли?

А Игорь... Игорь-то! Законный хранитель боевого ордена! Ну, погибли наши ребята.

4

В субботу первым был урок русского языка. Нина Павловна вошла в класс, положила на стол стопку тетрадей.

— Постарались, дети!.. — и вздохнула.

Костя сочинил про полет на Луну в «геометрически закуроренной ракете». Заторопился на улицу и — не рассказал, как возвратился с Луны на Землю!

Я написала про папин пароход.

Виля Бровман — о Чапаеве: как дивизия Чапая вошла в дом, и герой-начдив учил командиров сражаться картошками...

— Лучше справился с домашним заданием Игорь Куракин. Ты не против, Игорь, если я познакомлю класс с твоим сочинением? Очень хорошее сочинение, — подчеркнула Нина Павловна.

— Пожалуйста, — встал Игорь из-за парты.

— Прочитайте! Прочитайте, — запросили мы.

Вдруг Игорь побледнел и сел за парту, обхватив лицо ладонями.

Нина Павловна как-то странно смутилась...

Я громче всех кричала: — «Прочтите, Нина Павловна!» —

и Игорь так покосился в мою сторону, что у меня поджилки затряслись. Я никогда не забуду этого взгляда исподлобья, полоски зубов на прикушенной губе...

— Пожалуйста...— Игорь что-то хотел добавить, но у него пресекся голос.

Он мотнул головой — волосы упали ему на лоб. Виля, поживаясь, отодвинулся от него.

Никто ничего не понимал...

— Я вам все объясню, ребята,— говорила Нина Павловна.— Костя, сядь прямо, не вертись.

А дальше... Будто соленный ветер ворвался в класс — по спине пробегали мурашки!

До чего ж скрытный Игорь, не то что я, болтуня. Перед кем я хвасталась, какой у меня папа? Перед кем?... А ведь я хвасталась, чтобы спросить: «А у тебя кто папа, Игорь?» Оказывается, он — ледовый капитан! Капитан Куракин в Арктике, его судно, дизель-электроход «Полярная Звезда», затерто льдами.

Шелестели страницы синей тетрадки в руках Нины Павловны, и представлялся мне остров среди льдов. Пустынный, голый, начисто выметенный шквалами...

Пурга. Ветер вое в обледенелых вантах, палуба судна в сугробах. Корабль на зимовке — дальше его не пустили льды.

Ночь. На мостике — капитан. Сухой снег сечет его черное обмороженное лицо, забивается под меховой капюшон. Капитан только что вернулся из похода на остров, открытый им,— остров Белых скал. Сюда до него не ступала нога человека.

Стон пурги внезапно прервался. Уши глохнут от дикого скрежета. Как хрупкое стекло, лопаются огромные ледовые поля, громоздятся горами.

Торошение! Льды пошли на приступ, грозят раздавить стальной корпус судна. Ближе, ближе ледовый вал...

— Все наверх!— раздается спокойный голос с мостика.— Подрывникам — на лед!..

Тут Игорь встал и, закрыв лицо руками, вышел в коридор. Вилька вскочил было с парты, чтобы догнать, но Нина Павловна остановила:

— Не нужно, оставьте его.

Сняла пенсне и стала протирать стекла платочком. Сей час она была седенькая и сгорбленная, и у нее подрагивал подбородок.

Прозвенел звонок. Мы оставили Нину Павловну одну и с трудом разыскали Игоря: он забрался на чердачную лестницу и сидел за бочкой извести, в пыли и паутине.

— Что вы меня обступили? — Игорь прятался от нас. — Я чудо-юдо рыба-кит, да?

— А у меня двоюродный брат на траулере ходит, — ни с того ни с сего брякнул Костя. — Треску шкерит. Один раз их здорово болтало: едва топки не погасли. Ага!

Он робел и заискивал перед Игорем.

— Двоюродный брат! — пропищала Капка Доильницына, толстушка, по прозвищу Помидоринка. — Моя мама три навигации на пароходе буфетчицей плавала, и то я не воображаю. А у дяди Пети Колька на Шпицбергене. А тетя Настя с мужем на мысе Челюскина зимуют.

— Фи! — воскликнул Виля. — Мой двоюродный брат на Балтике эсминцем командует, если хотите знать. А тут мама котлетки в кают-компанию подает, тетя зимует! Ну и пускай зимует на здоровье.

Костя за шиворот выволок его в задние ряды.

— Ты у меня заимуешь, балда! Чуткость есть у тебя?

— Есть, — пролепетал Виля, втягивая лохматую голову в плечи.

— Мало! Вырабатывать надо.

Костя щелкнул Вилю по лбу, и Виля обрадовался, что дешево отделался.

Костя собрал в уголке ребят. Они зашептались, как заговорщики, отчаянно размахивая руками, поглядывали на Игоря и стучали себя кулаками по груди, а соседей по спинам: «Ух, дельно! Сила!»

— Берешь меня в свою команду, капитан? — подошел Костя к Игорю. Игорь вздрогнул, переспросил моргая:

— Что? Что?

— Ты же пашку собираешься строить! Не отпирайся, мне Ирка рассказала. В лепешку расшибемся, а спустим на воду эту посудину. Правда, ребята?

— Правда! Правда! — загалдели ребята.

— О чем разговор! — Костя шмыгнул носом и приосанился. — Конечно, если я за боцмана... будь спокоен, капитан, порядок обеспечу!

— Ребята! — вскочил Игорь и тоже замахал руками. — Давайте швербот строить, а? По чертежам! Высота мачты — семь метров, парус — пятнадцать квадратных метров. Осилит! Путешествовать станем, до моря сходим...

— Слушай, Куракин, а где остров Белых скал?— Виля, работая локтями, пробился вперед.

Игорь осекся на полуслове, опустил руки — на него неловко было смотреть. Вильку затолкали в задние ряды: ну чего он пристаёт, когда не надо? Вот нечуткий человек!

Дома я все-все растрезвонила маме. И поразились ее равнодушию. Она только спросила, к какому порту приписана «Полярная Звезда», и посочувствовала Игоревой маме: «Каково-то ей, бедняжке, приходится!»

Никакого воодушевления... Я к дяде Васе побежала. Он папин знакомый, из Антарктиды вернулся. У нас в поселке много полярников и моряков, поэтому улица Моряка есть и Арктическая... Дядя Вася бывал в нашей школе на пионерском сборе. Он рассказывал, как в пургу устанавливал радиомачту, поваленную ветром, и мы чуть не умерли со скуки. Так рассказывал, будто это не мачта в Антарктиде, а железная труба поселковой бани! Трубу однажды ветром повалило, мы видели, как ее устанавливали... А еще герой! Из Антарктиды!

Дядя Вася починял колонку в ванной. Он выслушал меня, сказал, что прыгать до потолка нечего, а капитана Куракина он не знает, нового дизель-электрохода тоже не встречал...

Весь вечер я носилась по поселку. И что же? Вернулась домой ни с чем. Словно капитан Куракин обычным делом занят! Да он жизнью рискует, он необитаемый остров открыл... Эх, люди!

5

Пончики в буфете — объедение! Но я чуть не подавилась, когда к столику подошел боцман Костя. Он хищно облизнулся на жирный обкусанный пончик. И, озираясь по сторонам, зловеще прошипел:

— Кушай на здоровье!

Я залебезила:

— Честная правда, Костик, не знаю, как получилось... Ты меня не выдавай...

— РКПШ!

Я отдала ему сдачу от буфета.

Я видела, как он тряс кого-то в темном углу коридора, не слушая жалких оправданий.

Он звенел мелочью в карманах, шептался с Игорем, и оба они ели черный хлеб, густо посыпая солью. У них воля, Игорь с Костей чихали на пончинки!

За поселком, где начинается болото, на двери заброшенного сарая навешан замок. Нашел сарай Костя. В сарае хранился когда-то такелаж водного цеха завода.

— Кто сунется сюда... во! — объявил Костя. — Отобьем охоту лазить по чужим верфям.

Мы носим в сарай доски, брусья — все, что попадает.

Вилька притащил якорь с баржи, Костя, тот расстарался медным колоколом, чтобы отбивать склянки. По-морскому, как на кораблях. Прошло полчаса и — «дзинь-дзинь!» — малиновый звон на все болото!

Мы стали называть колокол рындой, пол — палубой, окно — иллюминатором, веревки — линиями.

Стройка швербота все равно подвигалась туго. Мы не знали, как приступить к ней. Если бы нам чертежи! Тут Игорь прихвастнул: книга с чертежами швербота осталась на Бакарице в библиотеке. Правда, Игорь уверял нас: «Строил же Робинзон себе судно на необитаемом острове без всяких там чертежей, и мы сумеем!» Но Робинзонов среди нас раз-два и обчелся!

Виля занял:

— Зря силы тратим, ничего не выйдет...

Игорь слушал, слушал его и разозлился:

— Строй команду, боцман!

С Вилей расставаться было тяжело. Он принес из дому килограмм гвоздей и бутылку олифы. Он бросил клич и создавал фонд: «Разбей копилку — построй швербот!» РКПШ — слышали? Вилькину идею подхватил Костя и начал караулить нас у дверей буфета.

— Может, не стоит? — бубнил Костя. — Ну, сдрейфил парень, не привык он к флотскому нашему порядку...

— Паникерам не место на палубе швербота! — Игорь махнул ладонью, как отрубил. — Исполняй приказ!

Костя свистнул в судейский свисток, заменявший боцманскую дудку.

— Все навех!

Мы побросали куда попало топоры и рубанки.

Игорь — руки за спиной, капитанка с крабом лихо сдвинута — прошелся перед строем команды. Надутый, важный...

Ой, только бы он не командовал! Терпеть это — сил у меня не хватает. Когда Игорь подает команды, он приподнимается на носки, прихлопывает себя по бокам — петушок на

заборе, и только! Я креплюсь, надуваю щеки, слезы выступают на глазах. И я прыскаю: «Хи-хи!»

— Смирно!— подпрыгнул Игорь на носках.

— Хи-хи...— со слезами на глазах прыснула я и получила гычок от Кости.

Игорь уничтожил меня одним взглядом.

— Боцман!— приказал он, выпячивая подбородок с ямочкой.—Списать на берег матроса Бровмана.

— ЕСТЬ!— козырнул Костя невесело.

— Выдать ему денежный взнос...

Наш боцман тяжело, в два приема вздохнул.

— Я, ребята, не дезертирую, вы не думайте, — мялся Виля, уныло повесив длинный нос. — Я могу еще предложить.

— Что? — обрадовался Костя. Он отсчитывал деньги, выбирая самые мятые рублевки, и сейчас прятал их в карман.— Что ты, Вилечка, придумал, давай. Я всегда говорил, что у тебя золотая голова. Говорил, ребята?

Вилька — золотая голова — поделился планом: накопить денег побольше и купить лодку. Дело верное!

— Все у тебя? — жестко перебил капитан.

— А что? Мысль хорошая,— зачастил Вилька.— Пройтись гребешком по свалкам в затоне, одного лому сколько соберем. Это ж финансы!

— Ты зачем в команду пришел?— потемнел Игорь.

— На шверботе покататься и все такое...

— Покататься! Вот... — Игорь порывлся в карманах. — Вот, бери и... два фута под килем!

— А зачем?— поскущел Виля. Кто его знает, что это означает: «Два фута под килем?» Может, поколотят на прощанье.—На что мне твои тридцать копеек?

— Дуй на трамвай, там и катайся. А мы строим швербот, чтобы на нем плавать!

Игорь выбежал из сарая, сгоряча стукнув дверью.

Вилька растерялся.

— За что?— выкатил он свои черные глаза, хлюпнул носом.— За что такая обида, ребята? Я всех хуже, да?

— Разговорчики! — зашипел на него Костя. — Правь вахту без рассуждений. Бери метлу и пробань палубу!

Порядок на верфи был восстановлен. Паника улеглась...

Костя решил, посоветовавшись с капитаном, найти какую-нибудь лодку. Для образца. Но разве лодки валяются под

ногами?.. Нашли не лодку, скелет от баркаса. Обливаясь потом, приволокли с берега Маймаксы в сарай. По дороге остальные «ребра» дряхлой посуды переломали.

На верфи стоял дым коромыслом!

Пустырь, на наше горе, не был необитаемым островом.

Пришел участковый милиционер дядя Петя. Все облазил, везде заглянул. И уж так придирался!

— В щели сквозит! Кто чихать будет, я, что ли?.. Одно баловство и нарушение порядка. По какому праву сарай занят? Пустой — это не объяснение.

Костик держался от него на всякий случай подальше.

— Тю-ю! Попрут нас отсюда, — сказал он, когда дядя Петя ушел. — Попрут, увидите!..

Дядя Петя привел Нину Павловну. Мы воспрянули духом: Нины Павловны справедливее никого нет, она не даст в обиду. Ух, козырнули мы по-флотски! Как Игорь отпрапортовал Нине Павловне — одно загляденье!

— Значит, у вас все согласовано? — удивился дядя Петя. — В порядке, так сказать, политехнизации?

— Да... — слукавила Нина Павловна.

Дядя Петя из-за ее спины погрозил нам пальцем, поправил усы и покинул верфь.

Уходя, Нина Павловна позвала Игоря. Я стояла у двери.

— Верю в тебя, Куракин, — услышала я голос учительницы. И больше Нина Павловна ничего не сказала.

А я ждала...

Все эти дни я чего-то ждала. Мне было как-то тревожно.

Позавчера я дежурила в классе. Наглядные пособия и карты у нас хранятся в прихожей возле учительской. Дверь в нее была приотворена, я невольно стала свидетельницей спора Нины Павловны с физиком.

— Я требую немедленного созыва педагогического совета! — сердился физик Давид Георгиевич. — Вы потворствуете Куракину, да, да! А представляет ли Нина Павловна, какую травму получит мальчик, когда положение... э-э... когда все станет на места, все прояснится? Что будет с коллективом класса?

— С приходом Куракина коллектив окреп, — устало возражала Нина Павловна. — Он стал его признанным вожаком.

— Вожак! — воскликнул Давид Георгиевич. — Куда он заведет ваш класс?

Ночь.

На Маймаксе переговариваются гудками пароходы. Шумит лесопильный завод. Почему когда папа дома, я не слышу по ночам ни одного гудка на реке?

«Динь-дон, динь-дон», — бьют настенные часы. Я считаю удары. Одиннадцать!

Я скидываю одеяло. Озираюсь на кровать, где спит мама. Сердце противно екает. Наощупь одеваюсь, достаю с книжной полки тяжелый географический атлас.

Скрипнула дверь в коридоре.

Я тихонько крадусь из комнаты. Задела стул! Я застываю с поднятой ногой. И не сразу трогаюсь дальше.

В кладовой на мешке с картошкой, возле ларя с продуктами, меня поджидает Игорь. Пахнет квашеной капустой и соленой треской.

— Принесла? — шепчет Игорь. — Давай сюда.

— Мы раскрываем атлас, склоняемся над картами. Голова к голове.

Сначала ищем местонахождение судна моего папы. Я показываю Игорю радиogramмы. Мы их храним за все годы! Уважительно разглядывает он бланки с наклеенными на них строчками.

— Эта из Коломбо на Цейлоне, эта из Бомбея... Хорошо, Ирка! Все ж таки земной шар большой. Знаешь, в Индийском океане есть рыбы-барабанщики! Вот бы их послушать!

Подходит очередь Игорю рассказывать о своем папе.

— А выдержит «Полярная Звезда» сжатие льдов? Жутко все-таки...

— Полно ты! — отмахивается Игорь. — Наиновейшее судно! Четыре гребных вала, стальной корпус, радиолокаторы...

Я вожу по карте пальцем. Вот здесь, в этой точке, зимует капитан Куракин. Так Игорь сказал мне. Одной мне...

Там полярная ночь. Трещат морозы. Под сполохами северного сияния чернеет среди ледовых полей и торосов корабль. Один в белой пустыне.

Я поеживаюсь, невольно вздрагиваю.

— Озябла?

— Нет, я так, домой пойду.

— Ты не очень... ладно? — шепчет Игорь. — Тайна! Я только тебе буду рассказывать.

Опять обмирая от сладкого страха, высунув язык, я на

цыпочках крадусь обратно. Выдумщик Игорь, каких по-
искать. Все бы ему тайны, приключения. А ведь попадет мне,
если мама узнает.

— Этого мальчишку я терпеть не могу!— сердится мама,
когда я прихожу домой с верфи.— Какая-то шайка, все та-
шат... «Полундра!» — Мама всплескивает руками.— Да разве
мы так росли? Бывало, что мама скажет, сто лет помню. И
мы играли: в половодье плотик устроим, катаемся у домов
Тихо, мирно.

— Мама, из чего плотик?

— Ну, двери снимем, доски из забора...

— И вас не ругали, мамочка?

— Не задавай глупых вопросов! Что у тебя с руками.
Я тебе говорю, отвечай.

— Ничего. Обыкновенные мозоли. У Игоря больше...

— Не хочу слышать об этом противном мальчишке! Сего-
дня у тебя мозоли, завтра ты ногу топором оттяпашь... И
все скверное влияние, все этот Игорь. Она в море на лодке
уйдет... Как прекрасно! Под парусом... чудесно! Я тебя возь-
му в оборот, ты у меня пикнуть не посмеешь. Море! Не море,
а мне с тобой горе. Дождетесь, все в милицию попадете!

Мама об Игоре половины не знает, какой он, не то б дав-
но весь покой потеряла.

Как-то мы с Игорем отстали от ребят из нашей команды.
Убежали на берег Маймаксы.

Волны, тяжелые и мутные, били о сваи причала. Холод-
ные брызги кропили настил пристани. Баркасы, моторные
лодки жались к берегу, скрежетали цепями. С хмурого неба
сеялся дождь — морос. Дым из трубы лесозавода низко стла-
ло над поселком. И я дрожала, стучала ботиками и порыва-
лась домой.

Игорь сиял. Полы распахнутой шинели махали за спиной
как крылья.

— Морем пахнет! Ветер с моря...

Из-за поворота выплывал пароход. Мачты, труба, вер-
х капитанского мостика поднимались над штабелями досок,
сложенных на причалах противоположного берега. И вот он
уже на виду — с косо срезанным форштевнем, широкогрудый
могучий великан.

— Ира!— схватил меня Игорь за руку. У самого пальца
ледяные, красные, как лапки голубя, а еще шинель распах-
нул, фасонит.

— Ира! Смотри — этот пароход повидал свет. На борту

царапины, будто зверь провел когтями. Он оттуда! Понимаешь, от-ту-да! На бортах следы льдов. Счастливицы же матросы на нем! Я бы юнгой согласился быть на таком судне. Палубу бы драил, картошку на камбузе чистил... пусть!

Игорь жадно дышал, ему не стоялось на месте.

— Ира, когда-нибудь через нашу Маймаксу будет с берега на берег перекинута арка. Из мрамора! И будет на ней вечно гореть красная звезда. Как огонь маяка! Чтобы все помнили: наша Маймакса — ворота Арктики. Седов проплыл здесь, Русанов, Пахтусов... Шли смелые, отважные люди! Ой, Ирка, хоть бы ты в воду свалилась!

Я взвизгнула, как ошпаренная, отбегая подальше от причала.

— Чего ты?— удивился Игорь.— Я б тебя спас. Прямо из ледяной воды!

— Фи! Струсил бы!—поддразнила я. Конечно, по глупости. Когда Игорь замечтается, самое верное — поддакивать ему, не то он такой номер выкинет, что ой-е-ей!

— А хочешь, я сейчас выкупаюсь?— Игорь стащил с плеч мокрую шинель.

— Я твоей маме скажу. Попадет!

— А ты представь, что я в Арктике и свалился с льдины в море. Надо же испытать, как я буду держаться в этом случае?

Я удрала домой без оглядки.

Игорь прибежал синий от холода. Его крючило.

— Выкупался?— Я ждала его в коридоре.

— А то к-как ж-же?— стучал он зубами.

Потом у Игоря болело горло, он чихал и кашлял.

— Мороженого поел, — объяснял Игорь товарищам.

Ну не отчаянный ли человек наш капитан! От него всего можно ожидать.

7

Участковый дядя Петя, старшина милиции, нег-нет да и заглядывал на верфь.

— Тюкаете? Ну-ну... А это что у вас? Стапель. Так-так... Где у вас тот чернявый мальчик, Сережа, что ли? Помнится, больше всех у него было речей: «Мы да не построим! У нас не заржавеет!» Списали на берег? За ненадобностью? Так так...

Покурит сигарку-самокрутку, посидит и уйдет, шурша лождевиком-накидкой.

— И чего он ходит?— возмущался Виля.

— Он замышляет...— чесал себе лоб Костя, чуя недоброе.— Он неспроста! Увидите, попрут нас с верфи.

Игорь хмурился.

— Нет, ребята. Он ждет, что мы сами разбежимся. Сколько нас осталось? То-то и оно...

Дядя Петя по-старому наведывался к нам — в неизменной накидке поверх мундира, скуластый, усатый, с задубевшим на ветру лицом и внимательными глазами-щелочками, от которых к седым вискам бежали тугие морщины. Выжимал из усов дождевую воду, сняв фуражку, аккуратно причесывался и — изводил, изводил нас, сидя на подоконнике и качая ногой.

— Ума не приложу, отчего не взялись вы за линейный крейсер? — Причмокивал, притворяясь, что озадачен, шурился и сдувал с папиросы пепел.— Самостоятельный пошел народец среди вашего брата!

У нас внутри все переворачивалось, мы кипели. А что ответишь дяде Пете? Он взрослый — это одно, и может насмешничать, пока не надоест, а второе... Свяжись-ка с милицией! Вон у Кости есть опыт, он знает, чем это кончается. Упорный слух держался, что этот же дядя Петя довел нашего Костика однажды до слез.

Мы привыкли к посещениям дяди Пети.

И совершенно потеряли бдительность, как потом заявил Костя.

Однажды дядя Петя приехал к нам на мотоцикле в сопровождении двух милиционеров!

— Покоряемся вооруженной силе, — горько сказал порядком струхнувший Костя, и мы «очистили помещение».

Виля замямлил, что он, дескать, всегда готов, никого не боится, однако... У него бабуся с больным сердцем! У бабушки сердце разорвется, если Вилечка попадет в милицию...

Назавтра на верфи мы застали полный разгром.

Дядя Петя, засучив рукава гимнастерки, с плеча рубил наш баркас топором и крикал после каждого удара.

Все пошло прахом... Игорь скис, про нас и говорить нечего.

— Вот так гостинчик! — протянул Костя. — Ну, ничего, обойдемся. Я что-то давно не хулиганил. Почти исправился... ух, тошно даже! Сегодня в клуб на взрослый сеанс проберусь.

Я ж трудно воспитанный, правда? Я кукарекать буду и выть! Всем назло!

На Костю можно положиться — не обманет.

Распахнулась дверь, из нее полетели обломки баркаса, который мы еще вчера обшивали досками, мечтая, что у нас получится настоящая посуда — хоть по реке на ней, хоть в море под парусами.

Игорь вздрогнул, когда поломанный руль баркаса шлепнулся в лужу. Поднял голову:

— Бороться будем! — И твердым шагом направился на верфь.

Дядя Петя курил, отирая пот со лба.

— Какое вы имеете право? — закричал Игорь, забыв в этот раз подняться на носки, и губы у него дрожали. — Мы ничего плохого не делаем. Кто вы такой, чтобы... чтобы... — Игорь задохнулся от обиды.

— Да вы садитесь, — пригласил старшина. — Поговорим ладком... Кто я? Что ж, отвечу. До милиции я, хлопчики, плавал. В войну служил во флоте. Выходит, я вам не посторонний. Убиваетесь вы зря. Баркас я изрубил, — жаль, конечно... Да не баркас! Вас жаль... Люди вы, по моим понятиям, хорошие... — дядя Петя обвел нас смеющимся взглядом. — Ну, как, гожусь я в вашу компанию?

— Пошли... — бубнил Костя. — Я его знаю...

— А зачем вы нам? — крикнул Виля, прячась за спины передних ребят.

— С начальством я вопрос утряс, — продолжал дядя Петя как ни в чем не бывало. — Помогут... Печку вот подремонтировать не мешает... Инструментов маловато. С материалом положение аховое: из досочек борта не выкроишь, поленья на шпангоуты не приспособишь!

Игорь спросил недоверчиво:

— Вы не смеетесь?

— Что мне смеяться? Райской жизни, конечно, не обещаю. Порядок прежде всего!

— Погодите, — сказал Игорь. — Взять мы вас возьмем...

Ребята растерянно закивали. Игорь поправил капитанку с крабом, покосился на старшину.

— Взять мы вас с радостью возьмем...

— Дело! — улыбнулся милиционер.

— Конечно, дело, — продолжал Игорь. — Да вот беда, товарищ старшина: работы для вас подходящей не найдется. Что было у нас, вы все сломали...

— Что, что? — переспросил дядя Петя. И так захохотал, что глядя на него, мы тоже засмеялись.

— Анекдот! — дядя Петя от смеха даже повизгивал. — Расскажи кому, не поверят... Палец в рот не клади вашему брату!

Долго говорить нечего, попали мы в руки милиции...

Зато в классе Костя трунил над теми, кто раньше покинул команду:

— Что такое флора? А косынка?

— Ну, платок. Флора — трава, дубы разные...

— Сам ты дуб разный! Это ж все брусья для крепления шпангоутов. У нашего швербота ход будет легче чаечки!

А все-таки без дяди Пети было лучше... Он хороший, спору нет, но взрослый, и мы пока к нему не привыкли.

8

В конце перемены меня отозвал в сторону Виля, чем-то ошарашенный, прямо не в своей тарелке.

— Говори: «м-могила»!

Вилька даже заикается от волнения, и у меня пятки похолодели.

— Я долго, Ирка, терпел. Больше не могу. Я в заводской библиотеке вчера был. С Аллой Константиновной говорил. О капитане Куракине.

— С ним плохо? — ахнула я.

— Угу! — кивнул Вилька. — Мама Игоря так и сказала: «Не понимаю, о чем ты, мальчик, спрашиваешь». Не понимает! «Бери, — сказала, — книги для пагы и не отирайся, пожалуйста, у прилавка, не мешай мне работать»... Дела! А знаешь, что Алла Константиновна уезжала? Будто бы на курсы. Как бы не так!

Я затормошила Вилю:

— Ну, что молчишь? Говори дальше.

Тут сзади подкрался к нам Костя и щелкнул Вилю по затылку.

— Опять секреты?

— Да что ты, — струсил Вилька. — Я только тебе да Ирке.

— Паникер несчастный! Распространяешь всякие слухи. Ты еще Игорю что-нибудь скажи, так в два счета вылетит из команды вверх тормашками. Ха! — хмыкнул Костя. — С ним Алла Константиновна не стала разговаривать! Может.

это научная тайна, что капитан Куракин делает? Игорь-го не очень любит болтать о своем отце.

Костя меня удивил. Прогнал Вилю, потом говорит:

— Я тогда... помнишь? Понарошку тебе в шашки проигрывал, раз ты переживала. Да ладно уж...

Я готова была провалиться... Костя поплелся прочь. Костя, который ради меня ползал по водосточной трубе под крышу нашего дома. Рисковал сорваться, а достал-таки полную кепку воробушков из гнезда, чтобы мне показать. Это Костя — знаток всех щелей в поселковых заборах — водил меня на причал, и мы смотрели погрузку лесовозов. Мы вместе рыбачили с плотов в белые ночи. Однажды я задремала. Костя разбудил, когда поплавок моей удочки совсем увело под плот. И я вытащила двух ершей на один крючок!

А Игорь...

Игорь изменился. Бродит, будто в воду опущенный, с тех пор, как его мама вернулась с курсов. И нет больше советований на мешке с картошкой. Что-то его гнетет, он сторонится ребят, он всегда особняком. И скрытный стал — просто не подступиться...

К верфи мы привязались. Посреди сарая, в волнах пахучих стружек, начал вырисовываться каркас будущего судна. Весной спустим его на воду, закачается швербот на легкой зыби, поскрипывая и кренясь мачтой. И раздастся команда: «Отдать концы! Поднять парус!» Оставляя за кормой пенистый след, выйдет швербот на вольный простор, поплывет мимо складов, бирж, заводов в море, и встречные суда будут провожать нас гудками: «Доброго пути-и-и!»

Здравствуй, море, сегодня! Здравствуй завтра, океан! Привет вам, голубые дали, черные скалы и белые чайки... Вот мы и пришли к вам.

Дружи с нами, синее море! Плечи в борта, крутая соленая волна! Мы шли к вам нелегкой дорогой. Видите наше судно? Это — дело наших рук. От первой дощечки до последнего стежка на парусе... все наше! Мы стругали, забивали гвозди, конопатили швы, смолили — все сами. Мы такие — с нами можно дружить, не подведем, не отступим, если будет трудно...

Почему ты, Игорь, не бываешь на верфи? О тебе столько разговоров, с тобой хотел потолковать по душам дядя Петя, а ты убежал от него. И никто не знает, как тебе помочь, потому что никто не знает, что с нашим капитаном.

Видел бы ты Костю! Фуфайка небрежно расстегнута --

любуйтесь на полосатую тельняшку. на флотский ремень с медной пряжкой. Костя сменил походку, ходил вразвалочку, будто под ним не земля, будто под ним палуба дыбится в жестокий шторм. Косте сшили китель. Самый морской! Дело стало за пуговицами: нужны с якорями, каких в магазине нету. Смешно!

А знаешь, как пахнет доска, если ты ее выстругишь рубанком? Смолой и солнцем... И мне почему-то вспоминается лето. Мы с папой на берегу костер, и от леса наносит запахом смолы... Приложи дощечку к щеке — она гладкая, теплая. Ты не пробовал так?

А дядя Петя придира.

— Ну, что палец сосешь?

— Я гвоздь вколачивала...

— Так что ж?

— По пальцу стукнула.

— Мало! Ты еще раз стукни. На моих глазах!

И стоит, ждет, больно ли я стукну во второй раз. Да разве у меня что-нибудь путное получится, если дядя Петя глаз не сводит с молотка!

Ой, ты, наверно, думаешь, что мама тебя, Игорь, не терпит? Полно, точь-в-точь она и меня так же не терпит.

— Перестанешь ли ты бегать по сараям? Вся в опилках, в волосах стружки... ох, папа бы увидел! Не-ет, эта девчонка сведет меня в могилу в один прекрасный день! Садись за уроки, кому говорят? Ваш атаман-капитан только пятерки домой носит, есть же людям дети в радость!

И сшила мне фартук и холщовые рукавицы...

Все мамы такие, Игорь!

А о папе ты не расстраивайся: он у тебя смелый, мужественный. Он полярник! Думаешь, я за своего папу не переживаю? Эх ты...

Тревожно мне. И ничего я Игорю не сказала, что думала. Глупый характер: о чем нужно говорить, молчу.

Игорь и я возвращались из школы вместе.

Игорь за всю дорогу не проронил ни слова. И вдруг спросил:

— Ира, ты умеешь хранить большие тайны?

— Что ты! — вскинулась я. — Конечно!

Игорю мой ответ не понравился.

— Я серьезно...

Он горбился, прятал в поднятый воротник бледное, осунувшееся лицо.

— Игорь, — тронула я его за рукав, — что это за тайна? Про твоего отца? Про капитана Куракина?

Он кивнул, надвигая на глаза фуражку.

— Ой, тогда не надо! Если я проболтаюсь, ведь плохо будет?

— Будет очень плохо, — проговорил Игорь, и у меня сердце оборвалось.

Костя слонялся у крыльца.

— Мама домой не пускает, — пожаловался он. — Ты, говорит, еще погуляй. Ты, говорит, побегай... Хорошенькое дело — побегай! Я есть хочу. И вас не пустят, не торопитесь. У твоей мамы, Игорь, настоящее заседание. Нина Павловна, мама Ирки, моя мама. А на что мне их заседание? Мне б борща тарелку и котлету погорячее! И чего Нина Павловна к нам ходит?

Как Игорь изменился в лице! И сел на ступеньку.

«Тайна... Капитан Куракин...» — Я вихрем взлетела по лестнице.

Не помню, как очутилась у дверей комнаты Куракиных, без сил прислонилась к стене. Предчувствие беды, большой, непоправимой, охватило меня и уже не отпускало...

— Я всегда говорила сыну, что нас трое. Память об отце для моего мальчика священна. Судите сами, правильно ли я поступала, — доносился из-за двери голос Аллы Константиновны. — Игорь очень чуток, восприимчив. Он поверил в свою мечту и заставил поверить других.

В коридор, топая сапогами, ворвался Костя.

— Слышала как меня прорабатывают? Идем, Игорь зовет.

...Капитан горбился, пряча лицо в воротник шинели.

— Надо срочно собрать команду, — сказал он глухо. — Как на корабле, по боевой тревоге.

— Ну уж... — надул губы Костя. Перевел встревоженный взгляд с меня на Игоря. До него, наконец, дошло, что заседание у Аллы Константиновны его вовсе не касается.

— Что вы скрываете? Сговорились? Никуда я не пойду!

Игорь зашагал, не выбирая дороги, прямо по лужам.

— Ладно, — согласился Костя. — А с голоду погибну, плакать будете, да поздно!

Он побежал, нахлестывая себя по боку портфелем.

Благодаря Костиной боцманской разворотливости, команду собрать удалось быстро...

Игорь смотрел и смотрел в окно, как метутся в сером осеннем небе рыхлые тучи, грозя снегом и слякотью, кружат над тополями у проходной завода растрепанные вороны, и поеживался, засунув руки в карманы.

— Куда вас столько набилось? — ворчал дядя Петя. — Морока одна с вами. На дежурство мне надо, не оставляю же я вас этаким кагалом. Вконец завязали голову...

— Построить, что ли, команду? — Костя, не дождавшись ответа, дернул Игоря за хлястик шинели. — Ты что? Тревога! Тревога! — Он сплюнул. — Не по-флотски это!

— У тебя, Костя, с собой перочинный ножик? Дай сюда

Игорь снял фуражку, провел рукавом по крабу и положил ее на верстак. Начал обрезать с шинели пуговицы, яркие, горящие огнем, начищенные зубным порошком пуговицы с якорями. Одну, другую... И складывал их на дно капи танки. Они побрякивали ушками.

Все остолбенели. Даже я, ожидавшая невесть какой беды. Даже ребята, когда-то покинувшие команду и теперь прилепившиеся сюда во все лопатки.

— Капитан, ты что-о? — Костя пожимал плечами, встречаясь с взглядами ребят.

— Нет больше капитана, — сухим, звенящим голосом сказал Игорь. — Капитана Куракина, «Полярной Звезды» — ничего нет. Я отца и не видел даже... Бери, Костя, фуражку. Она, знаю, тебе нравится. И пуговицы забирай.

Костя и руки растопырил. Разинул рот: «А... а... а » — и ничего не мог выговорить.

Может, ребята что-нибудь кричали, отхлынув от Игоря. я не знаю. Так бывает, когда рядом ударит гром: какой-то миг ничего не слышишь, слышишь одну тишину. И лишь чуть спустя начнешь различать накрапывание дождя, шум ветра и раскаты грома. Так было и сейчас, меня будто оглушило признание Игоря; горло перехватило, в глазах стало темно.

— Как нет капитана Куракина? — первым опомнился Вилля.

— Ну зачем, зачем так! — Я подбежала к Игорю. — Зачем все выдумывал?

— Ничего ты не понимаешь, — оттолкнул он меня.

Между нами встал Костя.

— Ты-ы... хвастун! Не очень зарывайся. Как двину, как двину вот...

Игорь выпрямился, сжал кулаки.

— Я не хвастун! Я не врал... Был бы жив мой отец, он бы и в Арктику, и в Антарктиду первым! Он был смелым, он... он... — Я подумала, что Игорь сейчас выбежит из сарая. — Мой отец был коммунистом, он погиб на фронте! — Игорь провел кулаком по глазам, крепясь из последних сил.

К нему подошел дядя Петя. Глаза у него будто еще глубже ушли в морщины, усы обвисли ниже и переносье прорезала глубокая складка.

— Ничего... Ничего, сынок! Здесь свои люди. Мы помним своих товарищей. Они пали смертью храбрых за нашу жизнь. Мы их не забыли, сынок.

Он обнажил голову.

И мальчики сняли кепки.

— У меня нечаянно... Я давно, я про себя думал, — говорил Игорь задыхаясь. — А написал тогда, вот и... Ведь все поверили! Все поверили!

10

Домой я вернулась поздно.

Мама что-то писала. Наверно, папе. Глаза у нее припухли, наверно, плакала. Она спрятала в ящик стола исписанные листки, прижала меня к себе. Крепко-крепко.

— Ты дружи с Игорем. Он славный мальчик.

Я обхватила маму за шею да как зареву.

— Господи, а мы еще говорим, что война давно закончилась, — шептала она.

Мама уложила меня в постель, выключила свет.

Я лежала с открытыми глазами и думала. Вспомнилось, как Игорь приехал, как подал мне кошку: «На, поддержи»... И как работали мы на верфи и мечтали о море.

И незаметно забылась.

И увидела арку над Маймаксой. Из мрамора, который светло и прозрачно сиял, отражая солнце. Было много солн-

ца, много людей, нарядных, праздничных. И много музыки... Под аркой проходило судно, сверкая иллюминаторами и медными поручнями. Под гром оркестров оно плыло, легкое и в то же время величавое...

Ледокол превратился в швербот. Косой парус, чайки в небе... Они провожают нас.

Одна чайка задела крылом мою щеку.

Это мама поцеловала на ночь.

Я проснулась. Свет уличного фонаря ярким бликом лежал на потолке; шевелилась на этом белом пятне синяя тень ветвей тополя. Густым басом прогудел пароход на Маймаксе, ему отозвался тягучей сиреной другой пароход. И как-то сразу исчезла тишина. Стал слышен мерный гул работы лесозавода, лязг элеватора, вытаскивающего бревна на берег, звон пил на дровяном складе, сигналы автомашин, шаги редких прохожих по деревянным тротуарам.

Гулко пробили часы. Я оделась и, прихватив с собой атлас и раковину с комода, выскользнула из комнаты.

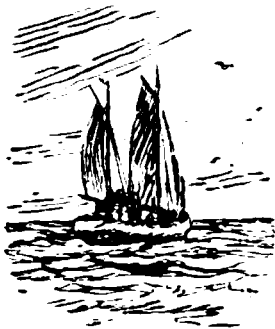
Так и есть! Я не ошиблась: в кладовой на ларе меня поджидал Игорь.

— Я думал, ты забыла, — вспыхнул он радостно.

— Вот, — подала я Игорю раковину. — Мне папа подарил, я — тебе. Ты ее к уху приложи. Там море шумит, в раковине. Она на морском берегу лежала.

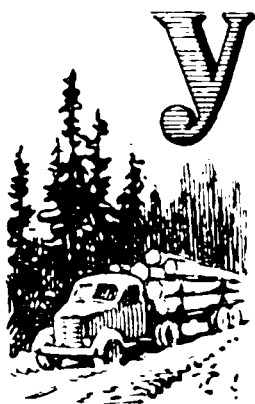
Я раскрыла атлас на карте полушарий.

И мы склонились над ней: куда теперь направит свой путь дизель-электроход «Полярная Звезда»? Земля все-таки большая, морей и океанов на ней много...

КУБИКИ

папы — кубики. Будто он маленький.. Чудно!

Дениска лежит под одеялом и думает. Под окнами, гудя моторами, идут автомашины. На повороте дороги стойки прицепов гремят, под колесами хлюпает грязь.

В комнате рядом — приглушенные голоса. Папа и мама тоже не спят.

— Петр, ты не практичен... абсолютно! Бросить работу в городе, квартиру — чего ради, спрашивается?

Глушь, лес, выйти некуда. Что ты за человек, одни кубики на уме!

Новая жизнь началась с того, что папа исстриг нарукавники. Папа работал, как объясняла мама, с бумагами, и она сшила ему нарукавники, чтобы у костюма не лоснились рукава.

Дениска помнит, как папа шелкал ножницами, а мама ходила по комнате, приложив ладони к вискам.

— Надоело! — говорил папа и подергивал плечом, как всегда, если был сердит. — Да, мне всех больше нужно! Пойми, я дела живого хочу, не по мне это — киснуть в конторе...

У соседей Дениска узнал, что они — папа, мама и он, Дениска, едут в леспромхоз и что папа показывает свой характер.

Потом было вагонное купе, потом автобус, потом грузовик.

И вот лесной поселок.

Деревянные домики, гул сосен на бугре, порожистая речушка, школа под старой березой.

Пройдешь рядом и нипочем не догадаешься, что это школа, так мал стандартный домик под березой. На уроке слышно, как ветки скребут по крыше. В двух классах занимаются все — от первашей, как Дениска, до четвероклассников.

На переменах ребята бегают под сосны. Здесь ягоды слаще, чем в городе на Поморском рынке. Здесь брусника не в бумажных кульках, а прямо на кустиках. И дежурные подают звонок на уроки под соснами.

У папы — кубики? Чудно... Дениске кубики не нужны, их в городе оставили. Это в детском саду малыши играют кубиками. Составят из кубиков слово или картинку — и довольно с них.

Но папа, папа...

Мимо дома громяхают тяжелые грузовики-лесовозы с прицепами, и дрожат стены дома, и свет фар заглядывает в окна, скользит по стенам. И олень на коврике словно оживает, шевелится. Вот-вот, закинув рога, он ударит копытами. умчится с коврика в ночь, где ветер перебирает на деревьях желтые листья, крошит их на землю и рябит лужи.

* * *

Утром разразился скандал.

— Репейник! — горячилась мама. — Липучка!..

— Куда я с тобой в делянку, чудушко ты гороховое? — вторил ей папа. — Не экскурсия, на работу еду.

«Чудушко», готовое в дорогу, — в малиновых шароварах, теплой курточке, с шарфом на шее — хныкало и цеплялось за папу:

— Возьми-и-и... Я буду послушный!

Папа сдался.

Через реку сооружена лава — шаткий мостик из бревен на козлах. Ночью подморозило и было скользко. Папа подерживал Дениску сзади за воротник, ворчал:

— Дались тебе кубики! Будешь под ногами путаться, — учти, не помилюю. Прогоню домой!

На обоих берегах реки темнеют громады скатанного в штабеля леса. Змеятся рельсы, по ним рабочие катают вагоны, груженные бревнами. Горят костры, дым смешивает-

ся с сырой холодной мглой, в которой гложет стук топоров, тонкий стрекот электрических пил. Раздаются непрерывно, властвуют над всем грузные удары сосновых и еловых кражей, скатываемых в эти высокие, похожие на башни старинных крепостей штабеля...

Такие штабеля Дениска видел в городе, у лесопильных заводов.

Папу отозвали к себе рабочие — он же начальник лесопункта, понимать надо! Дениска остался у костра. Хвойные сучья на огне постреливали углями, рассыпали тучи искр. Плясали, свиваясь, чадные космы пламени, точно хотели ускользнуть с сучьев куда-то вверх...

Костер был выше Дениски, а на огонь рабочие валили и валили сучья, смолистые сосновые и еловые лапы, корявый вершинник. Стоять у огня стало невозможно: так горячо пламя, так дышит дымом огромный кострище. Дениска попытался бросить на костер хвойную ветку — не мог и докинуть!

А у разгрузочных площадок стояли в ожидании вереницей автомашины. Они возьят из лесосек громадные деревья со всеми сучьями и хвоей...

Папа вернулся не один. Он был расстроен: подергивал плечом, сердито выговаривая шагнувшей рядом полной женщине в ватных брюках и кирзовых сапогах:

— Почему в один штабель валите и пиловочник и дрова? За кубиками гоняетесь?

Ничего похожего на кубики не было вокруг: конечно, эта толстая неповоротливая тетя их не догнала!.. Дениска помаргивал, но по другой причине. Ой, какой папа на новой работе... На старой он шелкал костяшками счетов, крутил ручку арифмометра и говорил тихо, и был незаметный — в пиджаке с нарукавниками. А когда приходил Дениска, поил его в буфете кефиром.

Дениска с папой сели в кабину попутного грузовика с прицепом и поехали в делянку.

Машину качало в рытвинах развороченной колеи, мотор надсадно ревел, словно сердился на скверную дорогу. Шофер — смуглый, скуластый, с широкими бровями — крутил баранку молча.

Раза два на колдобинах так подкинуло, что Дениска едва не стукнулся головой о потолок кабины.

Папа взял его к себе на колени.

— Ничего! — Он усмехнулся сухими тонкими губами, сузил глаза. — Держись!.. Будет и у нас хорошая дорога — с

бетонным покрытием. Что там автострада — не хуже у нас будет!

Шофер кашлянул и обронил как бы невзначай, вполголо-са:

— Будет... А чего мы дым возим? Покрышки рвем, бензин жжем, а на возах — дым!

— Д-да... — протянул папа. — Ты прав: пора гасить костры. По колено в золоте ходим, не научились его беречь, транжирим... Семилетка идет — пора хозяйничать по-новому! Привыкли говорить о лесе — «зеленое золото», а в смысл этих слов лень вдуматься. Все нам лес может дать. Ведь из той же хвои духи можно гнать, мы же не знаем, как от нее избавиться. Машины гоняем, возим сучья, хвою на нижние склады и... жжем на кострах!

Папа дернул плечом и насупился.

Шофер на поворотах теперь не сигнализировал, кричал «ого-го-гоо!», высунувшись из кабины. Веселый шофер — Дениска был от него в восторге.

Дорогу стиснуло, она в лесу, будто в хвойном ущелье.

* * *

Машина развернулась на разъезде — у будки на полозьях.

Открыв капот, шофер захлопотал, осматривая мотор. Дениска было пристроился к нему: авось удастся выключить какую-нибудь блестящую штучку.

Папа не позволил, повел дальше.

Дениска глазел по сторонам, запинался, и папа дергал его за руку:

— Ну, чего ты там не видел?

В сущности, рот разевать было не на что.

Бревна, бревна... Лебедки для погрузки леса. Обитой хвоей, корой, сучьями захламлена взрытая, искромсанная гусеницами тракторов земля. Груды лесин валяются тут и там вроде без всякого порядка. Им нет покоя: их тащат по этой поляне стальные, туго натянутые тросы лебедек, они большими кипами качаются в воздухе, прежде чем лечь на прицепы грузовиков-лесовозов...

Папу обступили рабочие в ватных стеганках, комбинезонах, брезентовых спецовках. Они были шумны, говорливы, здоровались с папой за руку, угощали папиросами.

Дениска смекнул: сейчас не до него, и выскользнул из толпы.

• По делянке полз трактор. Ух ты — как танк!

Трактор волок за собой спиленные деревья. Их необрубленные вершины тащились по земле, пригибали кусты. Звонящие гусеницы брызгались ошметьями мха.

— С дороги, красные штаны! — крикнул Дениске тракторист из кабины, делая страшное лицо.

Шедший за трактором с колом на плече белобрысый длинноногий парень засмеялся: «Гы-гы»...

А кубиков и здесь не было.

— Освоился? — подошел сзади папа. — Я тебя тут оставляю... Перестань жевать губу!

— А кубики? — спросил Дениска. Губу жевать он не перестал.

Папа сморщил лоб, нахмурился.

— Какие уж кубики... Электростанция что-то барахлит. Да я скоро. Перетягин! — махнул он трактористу, разворачивавшему машину для обратного пути. — Прими-ка моего мальчика. Последи за ним, не откажи, товарищ.

И посадил Дениску в кабину. Мотор взревел, Дениску откинуло назад, он заболтал ногами и, наконец, сел как следует. Трактор печатал гусеницами, кроша красный трухлявый валежник.

Клетчатой, захватанной масляными пальцами кепке было одно беспокойство на чубатой голове Перетягина. Трактор вильнул, наехав на пень, — Перетягин ладонью поправил кепку и уже потом выравнивал ма-

шину. Кепка то налезала трактористу на нос, то тряслась на одном ухе, то на другом или залихватски сидела на затылке, Дениска покосился на нее и не посмел попросить тракториста хоть дернуть за рычаги управления..

Трактор стал. Заработала лебедка, разматывая тросы с барабана.

— Станция Мазай, — подмигнул Перетягин Дениске. — Кеша, запрягаем! — Выключил мотор и спрыгнул на землю.

Долговязый Кеша собирал воз. Он таскал за собой тросы с петлями, ловко накидывал их на комли деревьев. Перетягин ему помогал.

Дениски хватились, когда воз был собран.

Перетягин выудил его из-под днища трактора. Дениска успел перемазать малиновые шаровары в масле и где-то раздобылся винтиком.

— Силен, Петрович! — уважительно сказал Перетягин. Попрочнее утвердил кепку на голове и неожиданно спросил: — Кричать умеешь?

— Ага. — Дениска был немного сбит с толку.

— Ну-ка... — Перетягин оттопырил ухо ладонью. — Пошибче! Пошибче! Это важно...

Рот у Дениски стал квадратный, язык задрожал. Дениска испустил такой вопль, что сам удивился.

Перетягин наслаждался:

— Силен! Ох, силен!.. Сосну вон ту — растрепанная такая, высокая — видишь? Правь прямо на нее. Как будешь поближе к лесу, крикни, да шибче смотри: «Глухары! Глухары!» Ну, побегай туда...

Кеша, опершись на кол, ослабил: «Гы-гы»... Дениска почувствовал неладное.

— А что мне будет? Это чего?.. Этим не ругаются?

— Все тебе растолкуй, Петрович. Экий ты! Будет то, что я тебя верхом на тракторе прокачу. Ну как?

— Глухары! — Дениска припустил к лесу.

* * *

В мохнатых недрах чащи стучали, словно запыхавшись, движки электростанций, глухо рокотали тракторы.

Путь Дениске по захлавленной поляне то и дело преграждали колодины, пни, сухие, вывороченные ветровалом деревья. Дениска, сопя, вскарабкивался на колодины животом и переваливался через них кубарем.

— Глухары! Глух... — Дениска поперхнулся на полслово.

Из кустов, к великому его страху, вымахнул усатый дядя с ружьем наперевес. Его взгляд шарил по вершинам елок, на носу прыгали очки, которые усатый поправлял трясущейся рукой.

— Где? Где он? Ах ты-и... прах его возьми!

Дениска завопил и полез на четвереньках под валежину. Сейчас усатый залепит в него из ружья — отчаянный у него вид! Ужас, что тогда получится, бедный Дениска косточек своих не соберет...

Но мало-помалу выяснилось, что усатый с ружьем просто-напросто электропильщик Костя, и усы у него, чтобы в мороз не зябнуть, и в разбойниках он от роду не бывал. Глухарь — даже не фамилия или что другое. Глухарь — лесная птица, краснобровая и бородатая.

— Прах возьми, — качал головой Костя, помогая Дениске отряхнуться. — Разыграл нас Перетягин! Завидно, что я после работы ружьем балуюсь... Глухаря-то не каждому удастся взять. Медведя я добывал... да! А глухаря увижу — руки-ноги трясутся, глаза слезой зашибает. Очки купил. Не помогают... провал такой!

В своей делянке, заваленной спиленным с корня лесом, Костя аккуратно прислонил к пеньку ружье, спрятал очки и взялся за электропилу. От нее вился в глубину чащи черный резиновый кабель. Подойдя к ближней ели, Костя включил пилу. Наклонился, широко расставив ноги, и приставил пилу к толстому шершавому стволу дерева.

Не кататься Дениске на тракторе, надул его Перетягин!

Зубья пилы глубже вгрызались в крепкую, словно каменную, древесину. Пила стрекотала глуше, пощелкивая, отлетали от коры чешуйки, сеялся опилочек желтыми крупинками.

Чудо, что за аромат у опилок! Дениска нагреб их в карман. Для мамы. Пусть понюхает, как они пахнут! Еще набрал попадавших с елки шишек...

Ель простонала, срываясь с пня. В гуле, в хрусте сучьев растянулась во весь свой исполинский рост — огромная, лохматая. И долго о чем-то шептали сучья, потревоженные ударом, сыпались сверху хвоинки...

— Поборол! — отирая со лба пот, улыбнулся электропильщик. — Басаргин предупреждал: не справишься один. без подручного. Пустое! А поясницу, верно... — Он потер спину. — Чего-то тянет. За двоих ломить — эт-то да! Лесок-то крупномерный.

— Так зачем вы один, если папа предупреждал?

— Зачем да зачем! — осерчал дядя Костя. — Ты лучше сам спроси Басаргина, папу своего: почему он из города сюда приехал? Вызывали его?.. То-то! Семилетка — с каждого вдвое спрашивается. Сам с себя спрашиваешь вдвое. Вот оно как, малый... — И помолчав, что-то прикинув в уме, закончил другим тоном: — Из елки-то аккуррат кубик выйдет. А то и побольше...

— Кубики? — Дениска востропел. — Где они?

Он растерянно помаргивал.

— Дядь Костя, вы что сказали?

Косте недосуг тары-бары растабарывать. Он и пилил, и с Дениской разговаривал. А Дениска то подаст ему топор — подрубить кусты, то бутылку с водой. Отхлебнет Костя глоток студеной водицы, запрокинув голову и двигая острым, в черной щетине кадыком, крикнет: «Важно с пылу-то!» И Дениска напьется из горлышка, тоже крикнет. Зато Костя дал ему раз включить пилу и один раз выключить, и за ручку позволил подержаться. А когда кабель пилы зацепило за пень, Дениска со всех ног кинулся его отцеплять и впопыхах порвал рукав куртки о сучок.

Падали деревья — ствол на ствол, перехлестываясь вершинами. Лес редел, расступался...

Увлеченный работой, дядя Костя, словно помогая тем себе, прикусывал губу и водил нижней челюстью — и это Дениска собезьянничал. И кричал громче дяди Кости на елку, подпиленную и все ещё не решавшуюся падать:

— Давай-ка не упрямься... Пошла! Пошла!

— ...Без наших кубиков — никуда, — рассуждал дядя Костя. — Ехал по железной дороге? И кубиков не видел? Как же так... А шпалы, будки стрелочников, из чего они, смекаешь? Из лесу. Калошики твои, между прочим, тоже из лесу... Скажем, сучок под ногами валяется, а попал в руки — из него тебе калошик. А?

Дениске нравилось, что с ним беседуют, как со взрослым, и он сел на пенек, смиренно свесив в мох ноги.

Смыкалась свежая порубь с делянкой, откуда лес был вывезен тракторами к погрузочным площадкам. Вповалку лежали деревья, точно отдыхая перед долгой дорогой, ожидавшей их. Пни сочили чистую, как слеза, смолу.

— Ты слушай! Слушай... — приговаривал Костя, но теперь его голос доносился к Дениске как бы издалека.

Дениске стало грустно: конец еловому бору! Не будет леса. И этого уютного уголка под разлапистыми елями не станет. Хорошо тут: боровой мох, белый и пухлый, устилает землю; серые стволы елей, понизу свободные от сучьев, похожи на колоннаду. Сумрачно, и сумрак зеленый — хвойный. Освещают потаенный уголок багряные рябины, поникшие ветвями, опутанными тенетами пауков. А рядом смешной пенёк в зеленой моховой шапке. Сук — кривой нос, выдолбленные дятлом дыры — глаза... Ничего не останется, увезут лес, и будет торчать пенёк-горемыка, уставясь в голую землю...

Дениска подошел к пню. Нагнулся, увидев красную сыроежку. Уй, холодная, озябла в морозный утренник.

— Эй, где ты... вертушка этакая! — позвал дядя Костя хриплым сдавленным голосом.

— Я здесь.

— Живо сюда!

— Сейчас...

Дениска сорвал кисть рябиновых ягод, откусил одну. Фу, кислятина! С виду ничего себе, а раскусишь... Дениска поплевался, вытер язык рукавом. И принялся набивать карманы нарядными перистыми листьями.

— Скорей! — торопил дядя Костя из-за кустов.

Он подпирал елку, чугуно-черный от напряжения. Надрез на елке щерился, елку шатало ветром, и дядя Костя шатался, со лба капал пот, вздулись жилы на загорелой шее. Охнув, он прыгнул от ели, сграбастал Дениску и отволок в сторону. Ель тотчас упала, подмяв рябины, с которых Дениска только что рвал ягоды.

— Провал такой... — заморгал пораженный Дениска.

Дядя Костя свернул сигарку и раскурил, прижмурясь на бледный огонек спички.

— Ты мамке-то не рассказывай. Слышал?

— Слышал... А о чем не рассказывать? — Дядя Костя промолчал, и Дениска снова спросил. — А вам леса не жалко?

— Колос вызреет — поле жнут, — не сразу и загадкой ответил Костя. — Если все по-хозяйски, так чего ж лес жалеть? Вырастет! Погоди, весной прилетят самолеты — новый лес посеют. Я, к примеру, тот лесок не застану, да и ты, Дениска, с бородой будешь в том лесу хозяйевать.

— С бородой? — удивился Дениска. — А почему?

— Полвека пройдет, пока здесь новый лес вырастет.

— Жалко, — вздохнул Дениска. — Долго ждать.

Дядя Костя ничего не сказал.

— А все-таки, дядь Костя, это что — кубик?

Дениска выжидающе сморщил брови.

— Как — что? Кубический метр, вот что... — Дядя Костя сдул пепел с кончика папиросы. — Ну, а если по жизни, так это — мера нашего лесного труда. Ты смекай, что к чему, — пригодится. — Дядя Костя вдруг усмехнулся и щелкнул Дениске по носу. — Что рот разинул, ворона влетит!

Дениска засмеялся.

К лесосеке, переваливаясь с боку на бок, полз трактор. Позади с колом на плече, кланяясь на каждом шагу, шел белобрысый Кеша, а с ним рядом в брезентовом плаще, размахивая полевой сумкой...

— Папа! — завопил Дениска. — Мы здесь. Сюда, папа, сюда! Здесь кубики... Кубики!

И побежал навстречу, издали показывая порванный рукав куртки — самое убедительное свидетельство, что он, Дениска, под ногами не путался.

ИГНАШКИНА ТАЙНА

бъединение двух соседних колхозов мне, землеустроителю, задало работы. С восходом я покидал избу Анисьи, где был на постое, а возвращался усталый донельзя и поздно: улицы деревни пахли парным молоком, теплом хлебов — как они пахнут, если только что прогнали с пастбища сытое стадо; в луговой туманной низине за околицей скрипуче перекликались коростели. Глухо темнели дома, тускнела излучина реки, и все светлели, светлели посеребренные росой яровые поля...

Наконец я сказал себе: баста! И в моей горенке на столе появилась жестянка из-под халвы с крючками, грузилами, мотком лесы. Для кого как, но для меня рыбалка, право же, чудный отдых.

Сева, бабкин баловень, страдал. Его ноги сучили под лавкой. Он жадно тянулся к жестянке: «А это чего-о? А это?». На скорбной его рожице было написано, что Сева теряет надежду заполучить от меня хоть крючок. Я был непоколебим: дай ему крючок, первым, кто сядет на него вместо пескря, будет сам Сева. Или он поймает за подол свою бабу, и что тогда разразится! Если Анисья звала меня ужинать или угощала квасом, и то об этом, без сомнения, слышала вся деревня: «Наплюй на бумаги-то! Аль завтра дня не будет?» Так шумела — издали, не зная нас, можно было заключить, что мы с ней лютые враги, и громит она меня без снисхождения.

Сейчас она гремела на внука:

— Отцепись, окаянный! Стукни ты его, добрый человек... стукни!

Внезапно тишину улочки прорезал истошный вой. Он накатывался, он затопил деревню поверх крыш. И удалое гиканье, и свист... Что такое?

Сева с воплем приник к окну. Едва он расплющил нос о стекло, Анисья бодро подскочила к внуку, дернула за пушистый хохолок на макушке.

— Куда вызвездился? Я т-тебе!

Сева улизнул за дверь.

Я выглянул в окно. Мимо изб несло облако пыли. Пыль завивалась столбом. Ее несли разномастные собачьи лапы.

Визг, лай... Кудяхтанье куриц, удирающих во все лопатки с дороги, стон свиньи, согнанной с лежки в луже, хлопанье дверей... Мальчишка — вожак собачьей орды — машет прутом, как саблей. Из подворотен стелются галопом новые собаки, прыгают вокруг него, добавляя шума и гвалта.

— Игнашка, — пояснила мне Анисья.

Так вот ты какой — Игнашка Придворов...

Я много слышал о его отце. Антон Придворов прибыл в колхоз из города. Его поставили во главе правления артели. Новый председатель, казалось, всем вышел; взялся за дело напористо, был хороший механик, организовал мастерские по ремонту машин и инвентаря, раздобылся как-то дешево локомобилем, провел электричество.

Беда нагрянула, откуда ее не ждали. Уехал Антон в город за семьей, а вернулся вдвоем с Игнашкой. Жена потребовала развод, отказалась жить в деревне.

— ...Задурил Антон, — рассказывала Анисья. — Вроде все виноваты, что у него неурядица. Уж мы ему говорили: поезжай обратно, тяжело с места воз стронуть, а раз стронули, сами обойдемся. И-и, как на дыбы взвился! Мол, знаете, кто меня сюда послал? И дурит, и перечить ему не смей... Вином начал, виной кончишь. Карманы стал путать Антон: что его, что колхозный — все ему едино. За это — прощенья нет... Попросили Антона из председателей, с партийным билетом расстался. А Игнашка... Игнашка у него, что обсевов в поле!

Заскрипев, отворилась дверь.

— Легок на помине, — проворчала Анисья.

Игнашка вошел как-то боком. Он черен от загара, смугл и тонок, в синих застиранных трусах, зато в сапогах. Дичил-

ся Игнашка, стоял бука-букой, что-то пряча в подоле майки. Сверкнул на меня белками глаз и потом как вперил взгляд в пол, так уже и не поднимал его.

— Гляди... подстрижен! — заметила бабка. — Кто тебя?

— В парикмахерской. — Игнашка понурился. Лопушки его ушей заалели. — Под бокс и с одеколоном. Екатерина Ивановна водила.

— Вон как! Учительша печется о нем, окаянном, и он же ее в слезы вгоняет. У-у злыдень, глаза бы не глядели.

Анисья выплыла из горницы, в полоску сжав губы.

— Я червей принес, — буркнул Игнашка. — Жи-ирные!

Червей из подола мы пересыпали в консервную банку. Игнашка, шаркая сапожками, отступил к порогу — опять же боком.

Дверь скрипнула, в щель на миг высунулся Севин тупой носик.

— У него кручки есть, много-о!

Игнашка цыкнул на него и предложил мне: — Покажите...

Он долго рылся в моих сокровищах. Сопел, шаркал сапогами и пробовал острия крючков на пальце, дул на блестящие блесны и протирал их подолом майки. И все так же старался быть ко мне боком, так и не поднял на меня своих глаз, только усиленно стриг черными мохнатыми ресницами, задерживая в груди вздохи... Он отложил два крючка из моей коллекции: самый большой, тресковый, купленный мной скорее ради курьеза, потом маленький, ржавый — его пора было выбросить. И не проронив ни слова, застыл, опустив руки.

— Бери, — засуетился я. — Еще бери!

Игнашка, зажав крючки в потной ладони, отвернулся, шаркал к порогу. Опять я видел его стриженный затылок. Что за мальчишка!

— Он боле не возьмет, — вынырнула из-за двери Севина рожица и скрылась.

Анисья внесла кринку молока и каравай.

— Лапы сперва помой, окаянный! — загремела она Игнашке. — С утра, поди, голодный скачешь.

К моему удивлению, Игнашка не противился, когда Анисья поволокла его к рукомойнику, усадила потом за стол...

Мы вышли вместе.

— Ты не со мной ли, Игнаша?

— Угу, сапоги-то на мне ведь...

Мальчик не из словоохотливых, Игнашка все ж пояснил, что без сапог — какая рыбалка! Без сапог он не удит. За голенища удобно прятать выловленную рыбу, ясно?.. Сапоги у Игнашки отцовские. При каждом шаге внутри сапог стельки ухарски припечатываются к Игнашкиным пяткам. Но голенища — что надо! За них войдет килограмма по три рыбы, и я, право, проникся к Игнашке уважением.

Нас сопровождала орава собак. Они забегали вперед, чтобы перехватить взгляд Игнашки, и умильно махали хвостами. Собачья преданность смотрела с их пыльных морд.

По пути Игнашка привернул домой — за курткой и удилицами.

Мы молча прошагали за околицу и лугами, перелесками вышли к реке. Дальше направились берегом. Расположились у омута и закинули удочки.

Солнце стояло высоко, и клева не было.

Недвижны поплавки...

Замер Игнашка, забредя в реку у переката...

А я как лег за ольховым кустом, так и уснул. Две недели мыканья с теодолитом по межам, полям в сушь и зной что-нибудь да значат!

Разбудили меня детские голоса. Разговаривали, оглядываясь на куст, Игнашка и Оля, девочка лет десяти-одиннадцати, погодок ему, похожая на ромашку своим белым платочком и желтыми прядками волос, падавшими на лоб. Она супила чуть обозначившиеся брови — была явно недовольна. Разумеется, Игнашкой. Он сидел ко мне спиной, и сколько же выражала его понурая фигурка!

— Чего ты мне крючки суешь? Ну? — неседала на него девочка.

--- Обманщик ты, больше ничего.

Игнашка тоскливо чесал за ухом.

— Ты ж девчонка, ты проболтаешься...

— Трусишь! Трусишь! Чего за крючки-то прячешься?

— Глупая, — почти по-взрослому обронил мальчик. — У меня целых пять крючков, а такого, как землемер подарил, ни у кого в деревне отроду не бывало.

Игнашке приходилось туго, не выручал и тресковый крючок. Я подумывал, не прийти ли к нему на помощь, как Игнашка кивнул на мой куст:

— Глянь, чего он там?..

Девочка, вытягивая шейку, посмотрела на меня из-под ладони. Я притворился, что сплю, и она сказала:

— Спит.

Игнашка заерзал. Он сопел и тер себе лоб.

— Ну? — требовательно спросила его Оля-Ромашка. — Что же ты?

Игнашка, покусывая губы, проговорил с трудом:

— Оля, ты смотри — никому. Это тайна!

— Ты покайся, Игнаша, покайся, — жалостно вздохнула девочка. Села рядом. — Чего ты мучаешься! Ведь ты за пирогом к Манефе лазил и кринку сметаны пролил? Покайся... Манефа сама виновата: завела собаку и не кормит. Уй, я бы ее всю сметаной облила, жадину!

— Не-е... — Игнашка покачал стриженной головой. — Я в райцентре был, вот что. У самого товарища Новикова. И ночевал у него, и чай пил... во!

Новиков — первый секретарь нашего райкома партии, и девочка вскрикнула:

— Врешь! Скажи, что врешь!

— Вот еще, была нужда тебя обманывать. Сказано: был, значит, был. На приеме. И беседу имел с товарищем Новиковым. А в приемной ждали, пока мы переговорим, — одно начальство! Я вперед Тюрикова был вызван. Знаешь его? Он председатель из «Красного пахаря», приезжал в сельпо на жеребце в тот день, когда меня Екатерина Ивановна с урока вытурила.

— Ну, а что дальше? — затормошила Оля Игнашку.

Игнашка не решался продолжать.

— И молчи тогда! — обиделась девочка. — Да ты, наверно, Игнашка, опять номер какой-нибудь выкинул? Уж лучше бы по деревне с собаками бегал, чем к товарищу Новикову...

— Да-а! — ожесточенно прервал ее мальчик. — А кто, кро-

ме меня, за папку заступится? Мы все обговорили, как надо. Папу... ну, в больницу его отправят. Уж не такой он пропащий. Я в интернате поживу, у Екатерины Ивановны.

— Тю-ю... — тоненько протянула девочка. — Я-то думала. Это все знают.

Она была разочарована.

— А это что? — Игнашка торопливо расстегнул карман куртки, вынул какую-то бумагу, подал ее Оле.

Оля, прочитав бумагу, подняла на Игнашку круглые испуганные глаза.

— Путевка... По партийной линии! Твоего бати путевка, Игнаша. Зачем она тебе?

— Тут и есть тайна, — проговорил Игнашка.

Оля так и подалась к нему, прижав худенькие руки к груди.

— И от меня, да?

Игнашка ниже опустил голову.

— Ты ж девчонка!

Он боролся сам с собой, кусал губы и с преувеличенным вниманием разглядывал носки сапог.

— Ладно! — сказал наконец Игнашка. — Моя это будет путевка, понятно? Там одна буковка мешает. Буква «А». Потому что мой папа Антон, я же — Игнашка. Игнатий то есть. Ну, я за эту букву «И» повоюю! Понятно?

Оля замотала головой. Платок съехал ей на плечи.

— Бестолковая, — вздохнул Игнашка. — Я школу кончу, в город уеду и все науки по машинам пройду, как папа. В-вот... И скажу: отправьте в колхоз. А мне скажут: путевку выпишем, поезжай, оправдай доверие. А я: не пишите, у меня уже есть, только буковку одну исправьте...

Оля супила жиденькие брови, помаргивала.

— Путевка партийная, Игнаша. Моего папу в партию на фронте принимали, на поле боя. Ты соображай!

— Соображаю... — Игнашка отобрал от нее бумагу, бережно спрятал в карман и карман заколол булавкой. — Соображаю, — повторил он тверже. — Может, и я подвиг совершу. Я постараюсь! Мне сам товарищ Новиков сказал: «Старайся, Игнатий. Если что, стучи ко мне в райком по всем вопросам». И на райкомовской «Победе» лично прокатил. Это доверие, а?

— Верно... — Оля подперлась ладонью. — А собаки как?

Игнашка, застигнутый врасплох, мучительно покраснел.

— Ну чего ты... — он повернулся к ней боком, стал щипать и бросать от себя травинки.

И девочка пожалела его. Она потянула Игнашку за рукав куртки:

— Ты не заботься... Ты только не носись с собаками. Страх один, как с ними бегаешь.

— Боле не буду. Слово!

Его ответ Оле прозвучал страшной клятвой.

— Постой, постой!— вдруг вскинулась она.— Тебе товарищ Новиков, Максим Петрович, сам отдал путевку?

— Ага,— кивнул Игнашка гордо.— Лично написал. Своей рукой! И не отдал — вручил.

— А-а-а... — протянула девочка, — а я-то думала...

— Ничего ты не соображаешь, а еще про меня говоришь,— усмехнулся Игнашка.— Да я же нарочно в райком ходил, за путевкой же. — И видя, как просветлела девочка, добавил тихо: — Но ты, Оля, смотри... никому!

Багровое солнце садилось за черную гряду ельника.

Бурлил, кипел пережат. Сновали смуглые и синие стрекозы-красавки, угнезживаясь на ночь в хвощах.

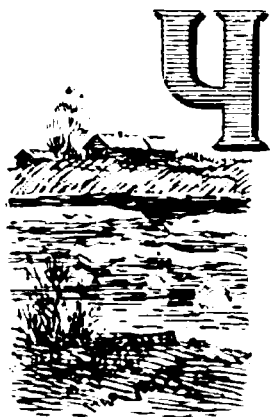
Как уши, повесив тяжелые хвойные сучья, задумчиво стояли старые ели, пиками подняв острые вершины. Они сберегут Игнашкину тайну...

Бурлит пережат, и вода словно выговаривает: молчу-молчу-молчу...

Я лежал, одеревенев в неудобной позе, и думал, думал... Как бы мне почаще сюда ездить? По землеустроительным работам, а?

ПОЛЯРНИКИ

еремушка ожила холодным и ветреным апрельским утром. Лед тронулся тихо, как бы спросонок, синевато-серый, источенный дождями и солнцем. Проплыла прорубь в окружении елок, зимняя дорога. В разрывах между льдинами показалась бурая клокочущая вода.

Андрейку начало этого волнующего события застало у реки. Он бил каблуками лед на лужах и гонялся за трясогузками — стройными, беленькими, в черных галстуках птичками, которые прилетают из теплых стран точно накануне половодья.

И вот радость: лед тронулся!

Андрейка только подумал, что следует не медля оповестить об этом Тиму, как ноги уже несли его вверх по склону берега к деревне.

— Тима-а! — запыхавшись, влетел Андрейка в избу. — Половодье! Я первый увидел и уже во какую льдиницу от берега отпихнул.

— Заливаешь! Знаю я тебя, — сказал Тима, надевая ватный пиджак. Аккуратно застегнул пуговицы, подпоясался ремнем.

На крыльце Тима по-хозяйски осмотрел березу во дворе. На березе птичий домик. Перед ним сидит, раскачивая веточку, скворец. Вот разинул клюв и протяжно засвистел.

— Разбойник! — пожаловался Тима. — Свистит! Нет чтобы гнездом заняться.

На берегу друзей поджидала Мариша. Она в отцовских сапогах с загнутыми вверх носками, и так закутана в теплый платок, что выглядывает прядка белокурых волос, глаза да розовый нос. Концы платка завязаны на спине.

— Я у окошка сидела, а тут как зашуми-и-т! Я сразу догадалась: река пошла.

— А я первый увидел, как лед потащило, — поспешил ей сообщить Андрейка. — Я всех раньше!

Тима отыскал длинный кол и стал отталкивать льдины, налезавшие на берег. Увлекательное занятие! А смотреть на плывущий лед, на бурлящие струи воды еще лучше. Закружится голова и почувдится, что не лед плывет, а берег устремился куда-то в синие дали, с избами, с новой силосной башней и длинным скотным двором, с березами и бесчисленными скворечнями — со всем, что есть на нем. И можно легко вообразить себя капитаном или путешественником — кем хочешь!

Вода между тем прибывала и прибывала.

Луг затопило, и по образовавшейся тихой заводи поплыли хлопья пены, жерди, разный мусор. Течением прикачало сюда широкую ровную льдину. Плавно развернувшись, она ткнулась в берег.

— А что я приду-у-у-мал! — закричал Тима. — Давайте устроим на льдине... лагерь полярников! С дрейфующей станцией Северный полюс!

На льдине была торжественно водружена мачта. Андрейка сбежал домой за старенькой плащпалаткой: ее Андрейкин отец еще с фронта принес.

— Вот и жилье. Еще бы собаку! Тогда дрейфуй, сколько душе угодно.

Лопухого щенка Тузика заманили на территорию станции ломтем пирога. Обрадованный угощением, Тузик завилял хвостом, благодарно лизнул Андрейку в нос и попытался сбежать.

— Ничего особенного, — надувал толстые щеки Андрейка и, путаясь в натянутой на себя плащпалатке, привязывал Тузика к мачте. — Со станции Северный полюс-3 Мамай сперва хотел удрать на самолете, а потом же привык, жил в свое удовольствие. Пес-то какой — Мамай!

Льдина отчалила от берега.

— Ур-ра! — взмахнул шапкой Андрейка.

— Ура!— жидким голоском подхватила Мариша, держа на всякий случай подальше от края льдины.

Тима, налегая на шест, сосредоточенно и деловито глядел по сторонам.

Заводь была тщательно исследована, все льдины, заплывшие сюда, направлены обратно в реку. Нельзя же их было оставлять на лугу, чтобы они потом обмелели.

Словно для того, чтобы порадоваться вместе с ребятами дружному ледоходу, выглянуло солнце. Ветер утих, сметя серые рыхлые тучи к горизонту, и они засинели там округлой громадой. Сразу стало тепло, запахло черемуховыми почками, талой землей.

И все так же плыл и плыл лед по вышедшей из берегов Черемушке. Но теперь к шороху ледяной окрошки и всплескам волн прибавился новый звук, словно кто-то позванивал хрустальными колокольчиками: то опадал тонкий ледок на лужицах.

— Перево-о-оз!— пронесся над рекой крик, приглушенный расстоянием и шумом половодья. — Лодку-у!

— Ребята, а ведь это наш агроном Федор Иванович,— сказал Андрейка.— Я первый узнал.

— Верно!— ойкнула Мариша.— Федор Иванович вечер в район собирался! А мостик разобран, и дедушка Максим-перевозчик хворый, и весь народ на работе.

— Ну и ну...— рукавом провел под носом Андрейка и вздохнул.— Вертолет бы сюда. Как на дрейфующую станцию! Уй... я б показал себя, в два бы счета слетал. Честное слово! Думаете, нет?

— Вертолет! — осуждающе покосился Тима.— Так ты добро-то помнишь... Забыл, как в клубе шел «Васек Трубачев и его товарищи»? У тебя тогда на второй сеанс не хватало, и Федор Иванович бесплатно провел?

— Да я ничего.— Андрейка дернул за ухо Тузика.— Чего зубы-то скалишь, дурак?

Тима постучал шестом по льдине.

— Крепкая, выдержит.

— А что? Что, Тима?

— Выручать надо Федора Ивановича. Он еще спрашивает! На льдине его перевезу. Больше не на чем... Что ему на той стороне бедовать? У него дела, не зря в район ходил. И то соображай — Черемушка играет, раз половодье. Может, старицу затопило? А? Как на необитаемом острове теперь Федор Иванович.

— На льдине-е! — ахнула Мариша. Спрыгнула на берег.— Я твоей мамке нажалуюсь, Тимошка. Ишь, что затеял... Ну-ка, на льдине!

— Гайка слаба,— моргал растерянно Андрейка.— Это в прошлом году в Заречье дядя Петя на льдине на свадьбу ездил. Так ведь дядя Петя — сила... А ты, Тимка, много на себя берешь.

— А вот не много! — упрямо мотнул головой Тима.

— Гайка слаба!

— А вот не слаба.

Андрейка посмотрел на реку: ширина-а! Ну и разлилась Черемушка! Не то что летом, когда ее курица перебредет. Отчаянный же этот Тимка!

— Ты меня возьми... а, Тимош?

— Троиц на льдине места не хватит...

Андрейка, отвязав обрадованного Тузика, спрыгнул к Марише. Та стояла смиренная, притихшая — переживала за Тиму.

— Ой, мама, что будет-то? — твердила она скороговоркой.— Что будет-то?

Разогнав по заводи льдину, Тима направил ее в реку. Течение подхватило, понесло. Мелькнули верхушки утонувших кустов; за поворотом скрылась из виду деревня...

Тима греб и греб шестом. Хлюпали, заплескивались на

льдину мутные потоки. Со стеклянным шорохом бились осколки льдин, топили друг друга, вновь всплывали в кипящих водоворотах и обгоняли Тимину льдину. Вот тупорылая отполированная дождем большая льдина-крыга с налету яростно ударила по ней. Тима едва удержался на ногах...

— Вернись обратно-о-о! Что ты делаешь!— кричал Федор Иванович, бегая по противоположному берегу. — Вернись!

Льдина с Тимой на ней благополучно миновала стрежень, но теперь ее стремительно несло прямо на огромный камень. Летом ребята с этого камня удят уклеек. Сейчас он скрыт под водой, вокруг крутятся воронки.

Тима изготовился, взяв шест наперевес, нацелил его на камень.

Удар! Шест вышибло из рук. Тима упал навзничь.

Сухой треск, скрежет...

Льдину раскололо пополам. Одна часть, шурша днищем, села на мель, и мутные потоки заплеснулись на нее. Осколок льдины, на которой лежал Тима, потащило в омут, закружило в водовороте у обрывистого, поросшего ивняком берега. Тима приподнялся, пошарил вокруг себя: где шест? От каждого его движения осколок ходил ходуном, как живой, норовил скинуть с себя. Тима сделал попытку встать — льдина вздыбилась. Еще немного, и он скатился бы с нее, пошел на дно. С шипеньем, легким треском от льдины откалывались синие кристаллики. Льдина оседала...

Вскрикнув не своим, каким-то горловым голосом, Тима вне себя рванулся к берегу. В то же мгновение он уже барахтался в омуте, подгребая под себя грязные хлопья пены и ледяное крошево. Холодная вода резала тело тупыми ногами, от боли зашлось дыхание.

Пиджак, сапоги тянули книзу. Из последних сил Тима рывком уцепился за тонкие алые ветки ивняка, свисавшие над омутом. Сведенные судорогой пальцы разжались, и мальчик окунулся с головой. Вода показалась ему теперь горячей.

К кустам подпорхнула беленькая трясогузка. Трепыхая крыльями, она повисла в воздухе, словила комара, просиявшего в солнечном луче золотой пылинкой. И испуганно пискнув, полетела прочь.

Это вынырнул Тима. Захлебываясь, он кое-как добултыхался к коряге, навалился на нее животом...

По вязкой глине берега прошлепали быстро и отрывисто торопливые шаги. Раздалось учащенное дыхание...

— Держись, малый!

Мимо Тимы мелькнуло что-то черное, большое, грузно ударилось о воду, подняв столб брызг.

Отфыркиваясь, мотая головой, Федор Иванович странно задергался, не трогаясь с места.

— О черт! — хрипел он. — Как меня угораздило...

Его нога попала между узловатыми корнями коряги. Он заворочался и уронил Тиму в воду.

— А-а-а! — вскрикнул Тима. Уцепился за тонкий ствол ивы. Перебирая руками, путаясь в кустах, Тима выкарабкался на берег.

Жив! жив! жив!.. Он не чувствовал себя, не ощущал, что коченеет.

— Бегай! Не стой на месте! — крикнул Федор Иванович. — Замерзнешь... не стой!

Над мутной водой виднелась только его голова и плечо. В спутанных волосах сверкали льдинки. И жутко было, что на лбу Федора Ивановича, пересеченном синей, вздувшейся веной, выступал крупными каплями пот.

— А вы? — опомнился Тима. — Я же вас... вас спасти..

Он беспомощно озираясь, то отбегал от обрыва, то возвращался обратно, оскальзываясь на глине, и текла с пиджака вода, хлюпало, чавкало у него в сапогах.

— Я сейчас... сейчас! — бессвязно твердил Тима. Непослушными, как на морозе, пальцами расстегнул пряжку ремня, съехал по обрыву к омуту.

— У меня поясок, я сейчас!..

Ремень был короткий.

Но глянув в темную, тускло мерцавшую глубь омута, Тима невольно отпрянул, зажмурился.

— Н-не могу. Никак!

— Куда тебя несет? Утонешь... ах, я тебя! На берег! — хрипел агроном.

Зуб на зуб не попадал у Тимы, когда он по плечи забрел в омут. Держась одной рукой за куст, кинул конец ремня агроному. И едва не упал — так вцепился Федор Иванович в ремень. Теперь никакая сила не заставила бы Тиму выпустить скользкий, обвивший ладонь мокрый ремешок. Куст затрещал, из разжиженной льдины вытягивались щупальцы его беловатых корней. И ослаб ремешок...

Напряженно перекосив лицо, Федор Иванович подтянулся к ивам, как-то очень медленно, словно не веря сам себе, взобрался на берег. С пиджака, брюк, перемазанных глиной, ручьем текла вода.

— Пальто вон... Сухое... — тяжело дышал он, широко раскрывая рот. — Бери! Да не смей стоять на месте! Бегай! Бегай... Околеешь, чертенок!

Из-за поворота Черемушки выплыла лодка. Расталкивая багром льдины, в ней стоял высокий плечистый парень, в котором Тима узнал Алексу, сына дедушки Максима.

* * *

... — Ругает! На обе корки! — рассказывал Тима пришедшим навестить его Андрейке и Марише. Лежал Тима в жарко натопленной горнице на кровати под грудой одеял. — Каждый вечер приходит! Вчера принес плитку шоколада, а так все конфетами угощает. У меня под подушкой целый склад, бери-те! В-вот... И все ругается! Ты, говорит, без толку жизнью рисковал, а вообще-то, говорит, на тебя положиться можно и будь, говорит, я на месте полярников, так и быть, взял бы тебя к себе в компанию... А все ты, Мариша, виновата! Нет да нет перевоза, а он заранее с Алексой договорился...

Тима поправил на горле повязку и тихо спросил:

— А правда, что скворцы в моем домике гнездо завели? Поют, правда?

ЩУКА

тепу Осокина и Леню Данилова прогнали с пожни.

На небе таяли пухлые облака, было жарко, хотелось пить, и Степа еле ворочал граблями. Он подолгу стоял в тени леса, обмахивался веткой, делая вид, что его одолевают комары и оводы.

— Что пнем-то застыл? — кричала ему через пожню тетя Глаша. — Завя-зали голову, беда мне с вами!

Сегодня рано утром был у нее бригадир, сказал, чтобы она забрала всех ребятишек в деревне сгребать сено на лесных покосах. К вечеру метать стога сюда придет кто-нибудь из колхозников.

— Все бы вам баловать, — сердилась Глаша. — Чему вас только в школе учат! Ленька, куда ты, неслух? Чего ты носишься по сену?

Ленька, улюлюкая, скакал из конца в конец пожни, оседлав грабли, и чернявый, сухонький, в черных трусах и красной майке чем-то напоминал кузнечика. Он задира л мальчишек, подкрадывался к девочкам и пугал их из-за кустов. А то бежал к ручью, на середину пожни, и звал:

— Все сюда! Глядите, кого я пойма-ал...

И бросал в неудержимо любопытных девочек лягушат, которых вылавливал в ржавых ямах у ручья. Девчонки, к великому удовольствию Лени, такой визг поднимали, что хоть уши затыкай.

Сима Ступина, беленькая, с пестрыми тряпичками в ко-сах, о чем-то пошушукалась с подружками и позвала к себе Ваню Стуколкина, у которого на рукаве клетчатой рубахи алели две кумачовых полоски.

— Они всю работу нам портят... вот! — заявила она Ване. — Их надо выгнать... вот! Один стоит, другой бегаёт... И оба ничегошеньки не делают!

— Что-о? — спросил Ваня, прищурив один глаз. — Что ты путаешь?

— Я про Леньку говорю и про Степу.

— Ну, знаю... дальше!

— А мер почему не принимаешь? Для этого тебя в совет отряда выбирали, да?

Ваня поплелся к тете Глаше. Ну зачем такая жара? Наверно, даже огромным елкам, окружающим пожню, душно. Стоят невеселые, повесили мохнатые лапы.

Тетя Глаша, выслушав его, позвала Леньку и Степу и сказала:

— Ступайте на все четыре стороны, такие помощники не нужны!

Ленька вступил было в спор. Но видя, что ничего из этого не получается, закинул за куст грабли, походя дернул за косу всем известную ябеду Симу, показал кулак Ване и — с пожني, восвояси.

— Ты куда-а? — пыхтел сзади него Степа.

— На реку! Э-эх... выгнали называется. Пускай нам хуже будет!

На реке приятели сперва выкупались. Потом в прибрежном черемушнике отыскали вершу, сплетенную из ивовых прутьев. Она устройством очень похожа на чернильницу-непроливайку: зайдет в нее рыба, а назад не выберется. Тут же, возле верши, валялись на земле припрятанные Степой котелок и удочка.

Требовалось заткнуть хвост верши ольховыми прутьями, разгрести муравьище, положить в ловушку пригоршню

«муравьиных яиц» для приманки рыбы. Затем вершу — в реку и придавить плоскими камнями, чтобы течением не унесло.

Едва поставили ребята вершу и стали всплывать беленькие яички, как по плесу точно дождь пошел. Заходили малявки и пескари, засуетились уклейки. Ударила на переборе, пониже верши, какая-то большая рыбина.

— Подъязок! — у Леньки глаза разгорелись. — Давай посмотрим, как он в вершу полезет...

— Нельзя, — замотал головой Степа, — а то никто не попадет... Я уж знаю.

Снова выкупались. Накопали червей и, хоронясь в тени росшей у берега ольхи, стали удить по очереди.

С легким треском носились слюдяные стрекозы. Сонно подувал ветерок, собирая на воде морщины.

— Степа!

— Ш-ш-ш! — зашипел Степа. — Подъязок подходил, а ты как заорал...

— Видел. Во какой! — показал руками Ленька. Ему до смерти надоело сидеть молча. Да и клев был плохой.

— Ну, поменьше хоть, — заметил польщенный Степа.

— С места не сойти! Подплыл и плюнул на червяка. Мне, говорит, такой гадости и жареной не надо. Смотри — червяк-то заплеванный... Ха-ха!

Степа пожал плечами и спокойно закинул удочку.

Леньку взяла обида. И уже с неприязнью посмотрел он на белобрысого Степу. На позже был бы, среди ребят, если б не этот толстый лентяй! Одного его не прогнали бы... В крайнем случае заставили бы насобирать дров и зажечь костер. Какая варится на костре каша! Далеко до нее домашней. Пахнет она дымом... Славно! До чего же весело обедать из одного котла: кто скорее, кто больше зачерпнет каши и не подавится от спешки! Задохнулся — стучают по твоей спине сразу десять рук!

И еще Ленька пожалел о том, что обидел Симу. Ведь только вчера вместе в палочку-стукалочку играли, и он ее два раза выручал. И петушиную косу Сима ему подарила. Перо что надо: воткни в кепку — как индеец!

А как шуршит зеленое сено под зубьями граблей! Или найдешь под пнем осиное гнездо. Осы: ж-ж-ж! — и раз кого-нибудь в нос. Нос даже на сторону заворотит. Здорово!

Прыгают по сему кузнечики, больше всего зеленые, а по сухим местам и черные. Полетит такой кузнечик, развернет красные подкрылья — словно уголек прыгнет...

— Пошли вершу трясти, ну? — сказал Ленька.

— Рано. Еще ничего не попало, — ответил ему Степа и, поплевав на червяка, снова закинул удочку.

— А я говорю пора! — озлился Ленька.

Подраться бы, да жара мешает. С места не хочется тронуться. Поругались — и сели на песок спиной друг к другу.

Вот пробковый поплавок вздрогнул раз и другой, затонул. Общими руками схватился Степа за удилище... И заплясал на песке подъязок.

— Есть... есть... — шептал Степа.

Ленька поморщился:

— А отчего он такой... дохлый как будто?

— Много ты понимаешь! — буркнул Степа, не отводя взгляда от поплавка, от воды, где тоненько-тоненько белеет леска. Вода будто стекло просвечивает до самого дна. Чуть колышутся водяные травы. От них на песке тени, смутные, серые. Река поэтому кажется глубже. Черными стрелками мелькают малявки. Голец пошевелил хвостом и стал зарываться в песок. Старики говорят, что так голец предвещает пасмурную погоду.

Время тянется медленно-медленно. Тихо. Даже птицы-певуны забрались в тень, под мохнатые ветки елок, прячутся от жары в лопухах. Лишь скользят над водой кулички-перевозчики, звонко перекликаясь, да долбит сухое дерево дятел.

И Степе уже не сидится на месте: впутался он в историю! Весь колхоз от мала до велика в лугах. Травы отменно хороши — густые, косой не проткнешь! Там, где раньше был один стог, теперь — два. Председатель колхоза Никита Корнев потемнел от загара и бессонницы. Ездит на взмыленном жеребце от бригады к бригаде, торопит: убирайте, неровен час — ударят дожди!.. Сено посереет, прибьет его к земле, тракторными граблями не отцарапаешь.

— Идем осматривать вершу, а то вся рыба выберется... — решает, наконец, Степа, сматывая удочку.

Осторожно выглянули из-за кустов: пусто у ловушки.

Ленька побрел к верше, резко выхватил ее из воды. Пожняя!

И тут верша чуть не полетела из рук: кто-то могуче зашевелился в мокром муравьище.

Опрометью выскочил Ленька из реки. Вдвоем со Степкой откупорили ловушку. Вывалилась большущая полосатая рыбина.

-- Щука! — торжествующе завопил Степа. И то ли от восторга, то ли со страху упал на нее. Рыбина зло глядела на Степу желтым глазом да как смажет его увесистым хвостом по щеке!

— Врешь — не уйдешь!.. — хрипел Степа. В одну секунду воображение нарисовало захватывающую картину появления его и Леньки на пожне. Это не пескарики, не подъязок, пусть самый большой, — щука! Они, Степа и Ленька, будут героями дня!

— Степа, совести у тебя нет. Дай и мне подержать, — протягивал Ленька к рыбине руки, прыгая от нетерпения. — Ну, Степа... Степочка-а!

Щуку оттащили подальше от воды.

Оба счастливица глаз с нее не спускали: бока у нее полосатые — тигр не щука!

— Ну и рыло! — Ленька хохотнул и опрокинулся на спину, ногами в воздухе поболтал от радости. — Степа, а проглотит она подъязочка? На пробу, давай? Высунув язык, он осторожно открыл щуке пасть, пихнул подъязка. У того лишь хвост вильнул... Исчез подъязок в широкой щучьей глотке. Экая прорва!

— Куда ее теперь, Степа?

— В уху! Как раз к обеду на пожню успеем. Наваристая будет уха, правда?

— Смак! — Леня облизнулся. — Это мы ловко — со щукой да на пожню!

— Ее ополоснуть надо, — заметил Степа. — У нее вида сейчас нет, вся в песке. Да ты, Ленька, не бойся — не удерет. Она уснула: видишь, не шевелится.

Держа обеими руками щуку за хвост, Ленька вошел в реку, умакнул рыбину в воду.

— Сдохла... Может, подъязком подавилась? — сожалеюще покачал он головой. — Вот бы щуку выдрессировать. а? Она рыбу ловила бы, как полезная.

— Заливай, — поскреб Степа в затылке.

— Он не верит! Да ты что, не слыхал про орлов-беркутов? Их дрессируют, и они ловят лисиц.

— Ври больше.

— Ловят! А щука, если такая громадина... — отпустив хвост, Леня широко размахнул руками. — Такая да еще прирученная? Все были бы с пирогами-рыбниками. Они вку-у-сные!

Степа, ничего не ответив, ревниво покосился на щуку. Она всплыла кверху брюхом, стояла в воде без движения.

— О деле бы ты думал, нам на пожню пора. — Степа решительно полез в воду. — Ишь до чего мягкая, — взялся он за рыбину, — косточек не прощупаешь! А скользкая, наверно, от жиру.

Нарочито кряхтя, он приподнял щуку на вытянутых руках. Солнце слепило глаза, поблескивала влажная чешуя, и Степа шурился, снова и снова переживая удачу.

Щука приоткрыла медные жаберные крышки, хамкнула пастью. Вдруг свилась тугой подковой и — плюх!

От неожиданности Ленька так и сел в воду. Лицо его побледнело, так что проступили, несмотря на загар, все веснушки. А Степа, оторопело вытаращив глаза, переминался с ноги на ногу:

— Сбесилась... вот дурная-то!

Словно дразня незадачливых дружков, щука вынырнула, смутно белея брюхом, всего в нескольких шагах, на переборе. Течением сносило ее в омут.

Леня опомнился первым. С ревом кинулся вплавь. Лишь стриженная голова его торчала над водой. Когда Ленька был от коварной обманщицы совсем близко — рукой можно дотянуться, сцапать — щука снова нырнула, плеснув хвостом. На этот раз навсегда.

Дух зашелся у Леньки от горя. Он с головой ушел под воду и пустил пузыри.

На берег Ленька вылез перепачканный илом, на колени ссадина — ударился о камень. Без сил растянулся на песке.

— Может, это лучше, а? Легко и досталась... — потряс его за плечо Степа.

— Я вот как дам тебе... — Ленька дышал прерывисто. — Так легко достанется, что не унесешь.

— Сима первая бы сказала: ага, подлизаться хотят, ага. щуку приволокли... — твердил Степа. — Ага да ага... я ее знаю! Кита ей приволоки — все будет мало. Она ведь такая ..

— Вовсе не такая! — сел на песке Ленька. — Польза шука-то.

Тили-ли, тили-ли! — звонко перекликались кулики-перевозчики, носясь от берега к берегу. «Им что, — подумал Степа, провожая куликов завистливым взглядом. — Летай себе у реки и никакой заботушки!»

По-прежнему, как будто и не произошло ничего у реки, порхали, присаживаясь на лаковые листья кувшинок, синие стрекозы-красавки. Жужжал полосатый шмель, запутавшись в траве. Муравьи-хлопотуны суетились, тащили невесть куда всякий посильный для них хлам... И солнце пекло нещадно, ко всему равнодушное горячее солнце.

Ребята сидели, избегая глядеть друг на друга. Потом, не сговариваясь, встали и побежали знакомой тропкой на пожню. Быстрее, быстрее.

Забывтая верша сиротливо чернела у ивовых кустов

ЗВЕЗДОЧКА

ирик ступил на порог и в замешательстве оперся плечом о притолоку: «Так и есть, мама дома». Тяжелая набегающая дверь подтолкнула, он нехотя шагнул в избу: рыжая кепка нахлобучена на лоб, пыльный пиджак встопоршен на груди.

Дарья Романовна мыла кринки. От нее не укрылось, что сын чем-то подавлен. Вон, глаз от пола не оторвет!

— Что, опять с Васькой футбол гоняли? Эх, парень, без отца растешь! Что хочу, то и ворочу — все твои правила.

— Полно, не играл я. Сапоги-то целехоньки... — Кирик помешкал, увидев такие знакомые натруженные руки матери, и добавил глухо: — Красавка пропала.

Дарья Романовна выронила из рук мокрую ветошку.

— Час от часу не легче! Опомнись, что городишь-то? Да у старшого, у деда Данилы, где глаза были? Поди, спит старый, о стаде и заботы нет.

— Дед ни при чем. Он со вчерашнего дня в районе, на совещании животноводов. А Красавка из загона ушла. Ночью... Которые жерди переломала, которые раскидала... Рога у нее — сталь!

Повесив на гвоздь кепку, Кирик сел к столу.

— Лай, мам, поесть. Тороплюсь я.

Мать следила за каждым его движением жалостливо и тревожно. «Вытянулся-то как! В пору батькины пиджаки донашивать... Вон и руки положил на стол, как отец, а взгляд подавно отцовский — хмурый...»

— За пазухой что у тебя?

— Зайчонок!

Кирик скупо улыбнулся тонкими обветренными губами.

— В огородах его поймал. На лугу выпущу. У деревни он как раз собакам на зубы попадет. Ну-ну... царапун!

Он вытащил отчаянно упиравшегося зверька. Тот весь как бы состоял из больших смугло просвечивающих ушей, выпуклых карих глаз и вихром закрученного дрожащего хвостика.

Дарья Романовна только вздохнула. Собрала завтрак.

Кирик зачерпнул раз-другой шей — они были тепловатые, невкусные. Определенно, на костре щи лучше варятся!.. «Зря я домой зашел, — подумалось ему. — И маму расстроил еще зачем-то».

— Ну, у меня дела. — Встал из-за стола. — До председателя я...

— Погоди, — хлопотала Дарья Романовна у печи, гремела ухватом по чугунам. — Творожку сейчас выну, свеженького в охотку поешь. Да яишечку сготовлю. Постой!

— Дома-то у тебя все хорошо?

— А чего худого? Не о себе ведь у меня печаль... Зайчонок оставь хоть, горе ты мое! — крикнула Дарья Романовна. — Петр Иванович скажет, по лесу с зайцами наперегонки носись, а коровы на своей воле. Не бери, слышишь? А может, мне вместо тебя? Ты ведь и обхождения никакого не понимаешь, норов у тебя батькин. С плеча все рубишь.

— И не думай! — сердце Кирика неприятно защемило. И правда, крут председатель колхоза. Красавка потерялась. Лучшая корова, холмогорка. Стельная к тому же.

У правления колхоза Кирика ждала встреча похуже, чем он ожидал.

На качелях, устроенных между двух берез, — председатель Аленка.

— На посту... секретарша! — помрачнел Кирик.

Крепко, по-мальчишьи упираясь босыми ногами в сидение качелей, Аленка стоя так их раскрутила, что дух захватывало на нее глядя.

И только мальчик хотел потихоньку юркнуть на крыльцо, как Аленка завопила:

— Ага-а! Пастух появился. Пасту-ух!

Перекувырнуться бы тебе, — буркнул Кирик.

— Красавку прокараулил? Ага-а! — Аленка соскочила с качелей на полном маху. Из девочек на это решалась она одна. — Папа у себя. Он тебе, Кирюшка, даст баню. Без веника выпарит! Пастух... одно название, что пастух.

Петр Иванович в правлении — вот у стены его мотоцикл. И что баня будет, Кирик не сомневался. Но откуда этой пробойной девчонке стало известно о пропаже коровы?

Ох, недаром Аленку прозвали секретаршей... Сам Петр Иванович, прикрывая ладонью ухмылку, признается, что его дочке не то что деревенские новости — директивы райисполкома бывают раньше всех правленцев известны! Это же Аленка...

Кирик в нерешительности помедлил. И ничего лучшего не нашел, как подать девочке лопоухого зверька.

— На, поддержи. Я скоро... Не мни его, он маленький.

Взбежал на крыльцо и робея постучал в обитую клеенкой дверь, за которой слышался густой рокошующий голос председателя.

Петр Иванович говорил в телефонную трубку о гектарах, процентах, тоннах застогованного сена — передавал в район сводку. Ворот рубахи расстегнут, открывает красную в тугих складках шею. Прокаленное солнцем лицо будто из глины вылеплено. Крут со свежим порезом от бритвы подбородок, черны изогнутые мохнатые брови...

— Ремонт коровника ведем по плану. Да, да... В срок, говорю, завершим. Шифера маловато, нет ли там у вас тыщенок полутора, а? Что? — он раскатился смехом. — Много запрашиваю? Да не торгуйтесь... Когда машину-то посылать?

Председатель скосил на Кирика черные смеющиеся глаза, кивнул:

— Давай к столу... Глянь пока газеты.

Кирик примостился на краешек стула, взял газету — свежий номер, районная. Один заголовок помечен жирной птичкой. Выбрав в стаканчике красный карандаш, Кирик подчеркнул заголовок. Подумал и вдобавок поставил восклицательный знак. «Для Васюты... Унесу на стан».

— Как дела, молодая гвардия рабочих и крестьян? — добродушно прищурился председатель, повесив трубку на рычажок. — Доложи-ка, Кирилл, обстановку... Должен упрекнуть: редко навещаешь ко мне. С чего бы это? Высокий пост начал тебя портить, а?

— Стадо больше ста голов... все недосуг.

— Загонная пастьба как? Дед-то артачился сначала.

— Ничего. Кабы нам электрического пастуха... В других колхозах уже есть. И соли подбросить не мешает. Вся выходит.

— Добро, получай ордер. — Петр Иванович черкнул несколько слов в блокноте, с треском оторвал листок. — Сегодня чтобы соль была доставлена, так и передай кладовщику.

— Я не из-за соли пришел, — Кирик ниже наклонил голову. — Красавка у нас... В общем, когда спохватились, ее и след простыл. Она ж... Она с пережитками, как дед Данила говорит. В лес ушла.

— С пережитками? — Петр Иванович заскрипел креслом. — Что это за пережитки у нее обнаружились?

Кирик покусывал губы.

— Кто за пастуха? Ты! — резко обронил Петр Иванович. — С тебя и ответ.

— Угу...

— Что решил, говори.

Когда Аленка, сгорая от любопытства, заглянула в кабинет, то увидела склоненные над столом две головы: лохматую, с проседью на висках — отца, и стриженую — Кирика. Председатель и подпасок о чем-то вполголоса совещались.

О чем это они, интересно узнать. Да не любит отец, если ему мешают. Допустим, она, Аленка, вряд ли помешала бы, но...

Кирик вышел, заметно повеселевший.

— Секретарша! Подавай зайчонка.

— А ты куда, Кирия?

— За кудыкины горы.

— Красавку искать? Меня возьмешь?

— Как же, дожидайся! Всю жизнь мечтал!

— Все равно пойду! Подумаешь, еще указывает. Указчик нашелся...

— Вот и указываю.

— Ой, сейчас в ниточку вытянусь! — засмеялась Аленка. И повыше подняла нос, строптиво фыркнула. — Как же, на таковскую напал.

У Кирика руки чесались одернуть Аленку, но плечом отодвинув ее с дороги, он спустился с крыльца и не спеша, вразвалку направился вдоль деревни. Он шел серединой улицы, хотя еще недавно пробирался к правлению колхоза задворками. За пазухой зайчонок, из кармана торчит газета.

На лугу Кирик остановился, Аленка — тоже.

И чего ты привязалась, ну? — с досадой сплюнул Кирик. — Да еще босиком... Наколешь ноги, на себя жалуйся.

— Что ты, Киря, — уже без опаски подошла Аленка. — У меня пятки каленые. Правда, правда!

Втайне Кирик был даже рад, что Аленка привязалась. Аленка-секретарша ему нравилась. Эта по пустякам нюни не распустил, а что пятки у нее каленые — можно поверить на слово.

Он вынул из-за пазухи зайчонка, забавно подрагивающего носом и раздвоенной губой. Зайчонок был теплый, мягонький. Он не вырывался, спокойно и доверчиво сидел на ладони Кирика.

— Дай мне его погладить, — попросила Аленка.

Посадив зайчонка в траву, Кирик оглушительно свистнул. Со страху тот припал к земле и кинулся наутек. Мелькнул белый хвостик в траве и пропал.

— Серьезный ты, Киря, — покачала Аленка головой. — Такой серьезный... ужас!

И пошла, ступая в следы, оставленные в траве сапогами Кирика.

Луговина еще хранила в гуще трав обильную росу; Аленке пришлось собрать подол в горсть, будто она речку вброд переходила.

Просторен заливной луг! Привольно стелется он по берегу Двины до самого леса. Корявые лиственницы возвышаются вдаль, стоят как на карауле — сторожат покой летнего утра. Где-то за буграми стрекочут косилки, на реке натужно бьет плицами буксир, и пахнет рекой, пахнет скошенной травой.

Травы, травы... Из плотного сплетения их робко смотрят голубые с золочеными зрачками незабудки, вьется мышинный горошек. Лиловая полевая герань так нарядна рядом с желтыми, в белых платочках ромашками, зонтиками дягиля. Качают своими метелками щавели.

Травы, травы...

— Пору-то как взяли! — вслух подумал Кирик.

— Что? Что ты говоришь? — подскочила Аленка.

— Ничего... Вон, — говорю, — наш лагерь боевой. Дым у леса видишь? Там Васюта с Шариком хозяйничают. Бедовая у нас собака!

— А Васюта? — в голосе Аленки послышался подвох. — Тоже, по-твоему, бедовый, да?

— Конечно. Подпасок, что надо. Дед им не нахвалится.

— Ой, врешь! Ой, врешь! У Васюты один футбол на уме.

Скажешь, вы футбольных матчей не устраиваете во время дойки? А кто ведро молока у тетки Марфы мячом опрокинул? Наверно, дедушка Данила? .

И Аленка, подпрыгивая в высокой траве, погналась за бабочкой.

Течет речка,
Через речку мостик.
На мосту овечка,
У овечки хвостик, —

пела она считалку, прыгала, и толстая коса прыгала между остреньких лопаток.

Бархатистая бабочка с перламутровым узором на изнанке крыльев улетела у нее из-под носа.

Разлилася речка,
Провалился мостик.
Поплыла овечка,
Отвалился хвостик.

Кирик без нужды поправил на пиджаке ремень, повел глазами исподлобья:

— А ты Васюту зря поносишь! Ты его сквозь костер видела? Хоть раз? Не видала, так помалкивай лучше.

— Киря, как это сквозь костер?—заинтересовалась Аленка.

— То-то... — строго заметил Кирик. И вдруг сказал: — Да что это мы идем шатай-болтай! Что нам, торопиться некуда?

— А ты торопись, — посоветовала Аленка, надувая от смеха щеки, лукаво блестя глазами.

И сорвала с головы платок, припустила по лугу.

— Догоня-йй!

Бойко работала она калеными пятками. Кирик едва достиг ее у самого леса.

— Пусти! — вырывалась Аленка, яростно мотая косой. — Век с тобой играть не стану. Схватил как...

Кирик совсем близко увидел глаза Аленки — колечки у них серые, в золотых искорках, зрачки черные — по горошине. Увидел бисеринки пота, пушок и родинку на щеке и — разжал руки.

Аленка, накинув на плечи платок, забежала вперед. Обернулась, показала язык:

— Бя-я... Дурак какой!

Дорога... На вязкой глине четко отпечатались рубцы автомобильных шин: колхозный грузовик возил с выгона фляги с молоком.

Рыжий Шарик вывернулся из кустов, залился лаем на Аленку, но при виде Кирика, зевнув, замотал хвостом.

Коровы — одни, разбредясь по пастбищу, лениво щипали траву, другие, зайдя в тихое, заросшее осокой и хвощом озеро, дремали, опустив рогатые и комолые морды.

Васюта лежал в тени шалаша и читал потрепанную книжку. Шалаш сложен из жердей, покрыт пластами еловой покоробленной солнцем коры. Брезентовый полог отдернут, видны застланные одеялами нары, грубо сколоченный стол. Под потолком — пучки сушеных трав, висят трусы и полотенце. На рогульке у костра медный чайник брызжет сердито водой из носка на уголья.

Кирик, одернув пиджак, окликнул:

— Василий!

Васютка вскочил и, разинув рот, вытянулся.

— Разрешите не дрожать, товарищ коровий командир?

— Василий... — Кирик покраснел.

— И чего ты пристаешь, Киря! — Васютка сморщил нос. — Красавка удрала, так я, что ли, виноват?

— А какой был тебе наказ?

— Ну, перегнать коров в другую клетку. Я вижу, здесь травы хватает. Налопались коровы — поперек себя толще... — Васютка уставил взгляд в свои ботинки. — Уж скорей бы дед возвращался, нето хлебнешь с новым начальством горя. Хлебне-ешь! День и ночь пилит, как, в самом деле, не надоест.

— Ты, Васька, сознаешь, кто ты теперь? — спросил Кирик, искоса глянув на Аленку: стоит, уши наострила, все бабьке передаст...

— Я? — Васюта хихикнул. — Факт, сознаю... А что ты ко мне, Киря, вяжешься по пустякам — тоже факт. Шарик ночью пост покинул, не я. Иди, Шар, тебе взбучку дадут. Иди, рыжий...

— Вот ты кто, — Кирик подал Васюте газету. — Смотри.

— «Пастух — центральная фигура в животноводстве», — прочитал Васюта, запинаясь на каждом слове. И повеселел: — Ну, нет, Киря, я не фигура. Где уж мне... Шар! Шар! Фьють... — свистнул он собаку. — Ко мне!

— Погоди, — остановил его Кирик.

— В футбол сыграем, да? — Васютка подмигнул. — Вратарем Аленку поставим. По десять голов забьем и — достаточно. Ботинки снимать или по всей форме футбол покажем?

Кирик опять посмотрел на Аленку, стоявшую поодаль.

— Так вот, значит, Василий, на всю клетку коров не распускай. Стравливай траву исподволь. Чтоб как по передовому методу. Соли потруси на траву... Не забудь смотри!

— Ясно... — Васютка почесал нос. Подняв с земли длинный кнут, поплелся к стаду. — Шар! Нажми-ка на правый край. Пасуй, пасуй!

Шарик залился пронзительным лаем; звучно шелкнул кнут.

Кирик зашел в шалаш. Отрезал от краяхи толстый ломоть хлеба, густо посолил и положил в жестяное ведро.

— Красавка-то в лес ушла телиться, — говорил он Алексе. — И в прошлый год так было. Такой у нее пережиток... Помнишь, недавно жара стояла? Мы ночью тогда пасли. На дневку в лес стадо угоняли — в бор ельник. Там оводы коров не беспокоили. В ельник и убрела Красавка. Больше некуда. Позавчера я ботало на нее надел. Найдем, не сквозь же землю провалилась!

— А она, значит, телиться ушла? Да? — сказала Аленка. — Ой, боязно-то до чего!

— Еще что? Ну, в случае чего, тебе за зоотехником бежать. Твой отец его по телефону из райцентра вызвал. На совещании он тоже... Нам-то его ждать — только время терять. Тетка Марфа сейчас придет — Красавка из ее группы. Положение серьезное!

Неширокая сухая дорожка повела ребят от луга дальше и дальше — по березовым рощицам, по свежим вырубкам, где пятачками желтели пни и стояли поленицы дров, заготовленных для локомобиля электростанции.

Кирик шагал по лесу хозяином, зорко посматривал вокруг.

— Ишь ты, рябцы муравьище разрыли. Пóрхались!

— Вдруг не рябчики? — сказала Аленка. «Занесишься ты, Киря», — думала она.

— Рябцы, кому ж больше?! С весны я их тут вспугивал. А рябцы одного места держатся...

На поляне, поросшей высокой травой, Кирик возбужденно шепнул:

— Тетерева, целый выводок. Старка, это тетеревиha, нас

отводить будет, потому что хоть и летают тетеревята, да худо.

Аленка не поверила, но в кустах как заплещутся крылья!

— Что я говорил? — просиял Кирик. — Я ж свежие наброды тетеревят видел! Далеко тетеревята улетели, нето показал бы их тебе...

— Ой ли?

— Еще сомневается! Хочешь, я тетерю подманю? Так сядь вон под ту елку и не дыши. Остальное — моя забота.

Аленка присела за куст. Кирик лег в траву у самой дороги и так ловко, что его ниоткуда не было видно.

— Пи-и... пи-и... — раздался из травы жалобный тонкий писк. Еще раз повторился, еще...

«Ведь это Кирия тетерю подманивает, — догадалась Аленка. — Чудно-то до чего!» Едва заметный, почти неуловимый шорох послышался за ее спиной. Девочка повернула голову и остолбенела. Рядом — на земле — большая птица. Вытянула шею, грудь рыжая, в темных пестринах.

— Тетеря! Кирик, гляди!

Тетерка, квохча, взмыла над кустами. Белое перышко медленно поплыло по ветру.

— Дергали тебя за язык-то, — осуждающе протянул Кирик. Встал, отряхнул с пиджака приставшие былинки. — Разве так можно орать в лесу? Эх ты... те-те-ря!

— Я тетеря, да? — вспыхнула Аленка. — Так я дальше не пойду и... и все! Чего ты обзываешься?

— Ну и заводная же ты, Аленка! — пробормотал Кирик. — Сразу и завелась, зафыркала.

Он зашагал не оглядываясь, помахивая ведром.

Аленка постояла, задумчиво чертя босой ногой протоптанную дорожку, и — бросилась догонять.

— Киря, я больше не буду... честное пионерское! Мы ведь не за грибами отправились... — чистила она, едва поспевая за мальчиком. — Ссориться не надо, правда? Ну, Киря, что поделаешь, если я такая горячая! Ты, Киря, лучше скажи, чем гетерю подманивал? Не серчай, ага?

— Свисточек у меня. Вот... — Кирик показал костяную грубочку. — Сам делал. Что под рябчика, что под тетеревенка голос можно подавать. Дело нехитрое!

Аленка притихла.

В лесу было хорошо. Пестрило в глазах от стройных берез, медных сосен, зеленого кипенья хвои и листвы. сладко кружилась голова от запаха смолы, разогретого мха. В кроны сосны зяблик выщелкивал свою задорную песенку, а девочке казалось, что он поет для нее одной... Аленка даже рассмеялась про себя. А вон, сомкнувшись серой беспокойной листвой, стоят по сторонам дорожки огромные осины. Будто столбы ворот их гладкие стволы! И Аленка с удовольствием шагнула за ворота — в сказочный лесной мир, где сивыми бородами увешаны ели, где зелено от папоротников, хвощей и белым мхом устланы укромные солнечные поляны.

Неожиданно Кирик остановился.

— Ельник! Здесь наша Красавка.

— Ну и пойдем к ней, — простодушно предложила Аленка.

Кирик дал ей знак молчать, снял кепку и стал слушать. Прошуршала в хворосте ящерица, тенькнула синица...

— А Красавки нет, — не выдержала Аленка молчания.

— Ш-ш-ш... — скривил губы Кирик, погрозил ей взглядом.

Слушали, слушали — даже в ушах загудело. И все напрасно: ветер тянул и тянул унылое, однообразное а-а-а в вершинах елей да перебирал листья осин.

— Что-то неладное, — вздохнул Кирик.

— Ой, может, волки? — заморгала Аленка.

— Молчи ты...

Кирик так повернулся к ней, что Аленка юркнула за куст. Ну, Кирия... ну, Кирия! И от обиды притопнула.

Ботало она заметила случайно, хотя оно валялось у самых ног.

Аленка смотрела под ноги, вот и все.

Она подняла ботало, тряхнула. Густой металлический звук колокола поплыл по лесу: бом-бо-м-м...

Кирик вырос как из-под земли. Увидел в руках Аленки ботало, шмыгнул носом и провел рукавом пиджака по лбу.

— Я подумал, Красавка. Было обрадовался...

Он внимательно осмотрел ремень, за который ботало было привязано на шею коровы. Там, где проколота дыра для пряжки, ремень свежо порван.

— Ясно! Шею, небось, чесала, вот и оборвала ремень-то. Но куда теперь подевалась? Здесь она была еще до восхода: ремень сырой от росы, да и ботало тоже.

Повертев в руках ботало, Кирик сунул его в карман. Не бросать же такую ценную вещь.

Потом сказал равнодушно, не глядя на Аленку:

— Ты побегай домой. Я уж сам.. Я виноват, с меня и спрос. Тебе-то зачем страдать?

Это равнодушие ему далось нелегко. И Аленка сказала:

— Что ты, Кирия! Я тоже пострадаю... Ну чего ты?

— Ладно, — повеселел Кирик. — Вместе, так вместе.

Начались для них скитания по колючей чащобе, без путей и дорог. Кирик охрип, зовя непутевую корову: «Красавушка, тпрусь-тпруть-тпрусь-тпрусь...» И ругался вполголоса: «У, вражина! Попадись только, я тебе задам».

Забрели в топкую низину. Кочки, бурелом, лужи темной воды... Кирик оступился, упал в самую грязь, вывозился — смотреть страшно. Подвели Аленку ее каленые пятки — порезала осокой, стала прихрамывать.

Из топи выбрались, попали в болото. Оно без конца и края...

— Придется возвращаться, — сказал Кирик. — Тут Красавке делать нечего.

Он пнул по трухлявому пню, сшиб его и, сутулясь, зашагал вперед.

На болоте Кирик разыскал лосиную тропу; по ней, минуя топь, они поднялись в лес.

Здесь немного отдохнули, потом договорились продолжать поиски поодиночке. Волнение и тревога Кирика передались и Аленке. Кирик поручил ей пройти по мшистой тропке до избы охотников-промысловиков. Сам он взялся обследовать окраину болота.

Походя срывая ягоды черники и то и дело вслушиваясь в шум леса — не треснет ли где сучок, не замычит ли Красавка, — Кирик уже далеко отошел от тропы, как до него долетел истошный вопль:

— Кирия-а! Спасай!

Кирик, не разбирая пути, кинулся обратно что было сил; веткой сорвало с него кепку, оцарапало щеку...

Лесная поляна, черничник на моховых кочках... Кирик в растерянности огляделся — нет Аленки. А отсюда она звала.

— Алена-а! Ого-го-го! — сложил он рупором ладони.

— Я здесь!

Перепуганная Аленка сидела на толстом суку ели.

— Слазь давай... — Кирик с облегчением смахнул рукавом с лица пот и налипшую паутину. — Ничего страшного нет...

— Да-а... — причитала Аленка. — Красавушку-то нашу звери лютые задрали-и... Одни косточки оставили.

— Где? — побелел Кирик.

— Вона-а... — махнула Аленка в сторону.

Сруб, что ли? Кирик подошел неверными, заплетающимися шагами к этому замшелому сооружению, заглянул... В срубе полно позеленевших от времени костей. От сердца сразу отлегло. Верно, что у страха глаза велики. Это же ловушка на

медведей. В сруб сваливали разную пададь для приманки, потом сюда ставили капкан.

— Слезай, — приказал он, подойдя к ели. — Кому говорят? Что, так и будешь сидеть на елке, трусиха несчастная?

— Так я трусиха, да? — шмыгала носом Аленка. — А чьи тогда кости там?

— Я почему знаю! А вот твои кости там тоже сейчас будут... — засмеялся Кирик. — «Спасайте!» — передразнил он. — Где боевая, а тут охотничьей ловушки испугалась. Дам вот взбучку, так будешь знать.

— Дай, Киря, по-хорошему дай. Только сперва подсоби слезть. Я без памяти сюда залетела... Я хотела как лучше. отошла от дорожки, нет ли тут Красавки, эту страсть и увидела. Помоги, Киря.

— Помоги... — проворчал Кирик. — Залетела, птица-синица.

И подставил свое плечо под ногу Аленки.

— Главное — не трусь! — поучал он Аленку, когда та очутилась на земле. — Песни пой, кричи... помогает!

— Да, не трусь! — возразила Аленка, переплетая распустившуюся косу. — Тебе что, ты старше. Ты в седьмой пойдешь, а я только в шестой. Мне боязно. Я с тобой аукаться стану. А верно, здесь медведи есть?

Кирик кивнул молча. О чем спрашивать — лес!

К вечеру, усталые и голодные, они встретились на берегу лесного ручья. Бурлила вода, навевая сонную дремоту. Кирик покусывал кислую травинку, сидел нахохлившись.

Ему думалось: что теперь там, на стане пастухов? Доярки, конечно, уже в сборе. Звонко брызжет молоко в ведра. Шарик лежит у костра, и когда нанесет дымом, трет лапами морду и повизгивает. Васютка читает газету: фигура он или нет? А может, ссорится с зоотехником Наум Назарычем — тот как ни зайдет на поскотину, вечно пристаёт, что у Васюты усы растут. Васюта притворяется, будто ему наплевать, что болтает зоотехник. А после его ухода подолгу изучает верхнюю губу в осколок зеркала и возмущается: «Чего он врет, Наум Стожарыч, нет усов и сто лет не будет!»

Зоотехник — длинный, тощий, впрямь как стожар — суковатый кол, вокруг которого на лугу навивают сено, мечут стог.

А если... Кирик бросил травинку.

А если у доярок только и разговоров, что о нем? Мол, стоило отлучиться деду Даниле и передоверить скот ребятам, как они его растеряли.

В душе Кирик уже раскаивался в том, что при разговоре с председателем отказался от помощи взрослых. Незачем людей от сенокоса отрывать, он сам найдет Красавку.

Сам... А если не найдет?

— Знаешь, Алена, ты сиди тут, я еще похожу. Корова — не иголлка в сене...

Он ушел, хрустя сучьями.

Аленка прикорнула к шершавому стволу лиственницы.

После заката в лесу остро запахло чем-то дурманящим, тонким. Струйка этого запаха перебила аромат нагретых за день сосен, устойчивый сырой запах мха и прошлогодних листьев. Уж не папоротник ли расцвел? Аленка огляделась и увидела вблизи — рукой дотянуться можно — маленький на прозрачной ножке цветок. У него белые венчики. Округлые листья словно лаком облиты. Аленка хотела сорвать цветок, но голова ее безвольно опустилась на вытянутую руку.

Ей казалось, что закрыла она глаза всего на минутку, и очень удивилась, проснувшись, — в лесу стемнело.

Кто-то тряс ее за плечо.

— Вставай, соня-засоня!

— Киря, ты? — испугалась Аленка темноты. — А Красавка?

— На привязи!

Торжество звучало в голосе Кирика.

— Пошли! Я костер разложил. Ишь, со сна-то озябла...

Он нырнул прямо в потемки.

Аленка думала, что она глаза выколет, в яму провалится — едва освоилась с густыми сумерками, такими плотными в лесу.

Они шли долго, пока между деревьями не сверкнул огонь.

У костра, под мохнатыми лапами ели, черным силуэтом застыла Красавка, ее черная тень пряталась где-то далеко в лесу, шевелилась. Аленка вступила в дрожащий круг света, зажмурилась и всплеснула руками:

— Телушка! Ой, до чего хорошенькая! Хвостиком-то помахивает, маленькая...

Так вот она, привязь! Тонконогий с толстыми коленками черно-пестрый телок выглядел неказисто рядом со своей крутобокой упитанной родительницей. Он был худ и тощ — с торчащими, как лопухи, ушами, с розовым носом и слюнявой мордочкой. От шума он полез под брюхо Красавки, и та — сама важность, сама нежность — ревниво мыча, принялась в сотый раз вылизывать его шерстку.

Кирик самодовольно отставил ногу и сплюнул.

— Эге, телушка ли? Бери выше! Это у кого-нибудь может быть телушка, а у Красавки — высокопородистая телочка, первый класс.

— Первый класс, — шепотом повторила Аленка, — уй как!

— А ты что думала! Она вырастет, покажет себя... По пять тыщ литров будет давать. Во!

Кирик завалил костер сучьями.

Хлынула и сомкнулась ночная тьма. Одинокое рдел в траве стрельнувший из костра уголек. Окружающие предметы потеряли свои очертания. Небо посветлело и как бы поднялось выше. Стала видна вершина огромной, полусохшей на корню осины с трепещущим на самой макушке листом. Но вот сучья занялись, костер вздохнул и загудел, рассеивая искры. Уголек пропал, будто мгновенно подернулся пеплом; исчез с осины черный листок, будто его там и не было.

Кирику было хорошо, покойно, и он пожалел этот листок.

Аленка, отворачивая разбурянное огнем лицо от костра, сонно жмурилась.

Кирик насупился.

— Чего растопырилась? Дела не знаешь?

— Что, Киря?

В белом переднике, нарядном сарафанчике с оборкой, Аленка показалась Кирику столь беспомощной, ни к чему не приспособленной, что он, еще больше нахмуря брови, пробормотал:

— И в кого растут неумехи! Ничего-то им по хозяйству не далось... Одно горе с ними!

— Чего ты мелешь, Киря,— засмеялась Аленка.— Мелешь, мелешь, а помола нету.

— Обряди корову!— приказал Кирик.— Вот что!

— Фи, задал задачу...

Вытряхнув из ведра ломоть хлеба, она бесстрашно подошла к Красавке.

Красавка внимательно посмотрела на нее и прижала уши. Да как поддаст копытом по ведру! С жалобным звоном оно покатилося по земле. Аленка успела отскочить — и на ее долю досталось бы.

Кирик не тронулся с места.

Кинув на него взгляд исподлобья, Аленка опять подошла к корове.

— Не подпирай елку-то. Развернись-ка... — и очутилась как раз перед знаменитыми рогами. Красавка раздула ноздри,

пригнув шею. Нахлестывая себя хвостом, рыла копытом землю и шумно дышала.

— Забодает!

Аленка прыгнула за спину Кирика и бросила ведро.

— Очень даже просто забодает...— Кирик спокойно ломал на колене сучья и подкидывал их в огонь.— Красавка у нас с характером. Дедушка говорит: с изюминкой. Чужих она к себе не допускает.

— Я чужая?

— Ты...

У Аленки побелел острый носик. Она притопнула:

— Ну погоди, Киря... Погоди! Не стану доить, и все.

— А надо... Теленок голодный, на ногах едва стоит.

Аленка струхнула. Телочка и впрямь неуверенно чувствовала себя на длинных непослушных ножках. Робко переступая восковыми копытцами, подковыляла к костру. В смородиновых глазах — любопытство. Втянула в себя воздух, смешанный с дымом, расчихалась.

— Будь здорова,— серьезно сказал Кирик.

— Будь здорова,— повторила Аленка чуть слышно и прикусила губу. Оглядываясь на Кирика, подала корове ломоть хлеба, подняв его с земли.

— На... на!

Красавка приняла хлеб.

Аленке хотелось треснуть корову по лбу, да как бы после этого чего худого не вышло.

— Миленькая, умненькая...— приговаривала она, пристраиваясь на корточках у вымени. Соски были тугие и шершавые, набрякшие от молока.

— Доить-то хоть умеешь?— лениво поинтересовался Кирик.

Красавка беспокойно переступила копытами, тяжело, из глубины утробы выдохнула: у-ух! Аленка, прикусив губу, опять потянула за сосок. Ого, удача! Правда, молоко брызнуло не в ведро, а на доярку, но это мелочь, стоит ли обращать внимание! Аленка приободрилась... И тут узнала, что у коровы, кроме вымени, есть хвост. Увесистый хвост с густой и жесткой кистью! Ну почему не бывает коров без хвоста? Красавка сперва хлестнула доярку по спине, потом умудрилась сунуть хвост ей под нос.

— Киря, — жалобно заныла Аленка, — а Киря?

— Чего?

— Ты ей поддержи хвост. Ну, Киря... пожалуйста!

— Хватит издеваться,— вскипел Кирик.— Секретарша! Вот возьму за косу-то... Ишь, хвост ей мешает. Не-у-ме-ха!

Корову он подоил сам.

Вместе стали поить телку. Нос ее Кирик совал в ведро с молоком, телка пятилась, пускала пузыри.

Кирик опустился на колени перед будущей рекордисткой.

— Вкусное, — ткнул он в молоко пальцем. — Гляди...

И он, причмокивая, сунул палец себе в рот.

— Ты — млекопитающая! Понятно?

Телочка замычала в страхе.

— В первый раз такую вижу! — Кирик почесал затылок. — Я бы за это время бидон молока выдул, а она хоть бы понюхала. Ну и животное! Смотри, — пригрозил он телке. — Ведь я тогда все сам выпью...

— Нашел чем хвастаться,— сказала Аленка.

— Что-о? Ты еще голос подаешь, да? Твой номер восемь — ожидай, когда спросят.

Ни слова не говоря, Аленка вырвала у него ведро.

— Смотри-ка, ожила... — изумился Кирик и сел у костра. — Ну-ну... Сама попробуй. Без соски-то! Их на ферме из сосок поят.

— Тебе бы соску!

У телочки Аленка почесала за ушами.

— Кушать хочешь, зернышко? Ой ты, крупиночка моя маленькая! Славная ты моя...

— Подлизывайся! — буркнул Кирик. Телушка не только не шарахалась от девочки, даже потянула ее губами за сарафан.

— Я тебе салфетку сейчас повяжу, кушать будем, — ворковала Аленка, снимая с себя передник. — А то ведь ты, маленькая, молочком обрызгаешься. Да брось ты сарафан, не жуй, глупенькая.

— Салфетку? Кукла она тебе, да? — Кирик порывался встать.

— Не подходи лучше, — предупредила его Аленка. — Без тебя тут обойдутся.

Она смочила палец молоком и дала телочке облизать. Телочка беспокойно переступила ножками: капля молока попала ей в рот. Не отбирая пальца, девочка сунула ее нос в ведро. Телка начала сосать, торопливо, вздохнув, вся напряжась.

— Не жадничай... — строжила ее Аленка.

Телочка мало-помалу насытилась. Где стояла, тут и

улеглась, подобрав под себя ноги. С губ ее тянулась липкая струйка.

— А поить с пальца, я в книжке читал, негигиенично,— нерешительно проговорил Кирик.— Думаешь, я бы не напоил? Да в два счета.

Аленка ничего не ответила — сушила у костра передник.

Кирик заерзал на месте.

— У-у-у! — донесся далекий гудок.

Аленка подняла голову.

— Это пассажирский. На Котлас идет,— с готовностью пояснил Кирик.— Точно по расписанию. Мы с Васюткой, когда еще белые ночи были, бегали на Двину встречать пароход и купаться. Вода теплая, разденешься и — бултых! А там пароход подойдет. Хорошо на волнах качаться... Ты не пробовала, Алена?

И на этот раз Аленка смолчала. Кирик тоже надулся. Ушел собирать для костра хворост. Притащил целую охапку. Аленка приволокла откуда-то сухую колодину. Положила на костер. Кирик хмыкнул — и обратно в лес. Вернулся с тяжелой валежиной на плече. Аленка в долгу не осталась — на костре уже полыхали принесенные ею сучья.

— Этак мы лес скоро запалим, — проворчал Кирик.

— А это тебе... за неумеху! За секретаршу!

Аленка свернулась калачиком возле телки. Укутала ноги передником (комары, несмотря на дым костра, одолевали). Обняв телочку за шею, шепнула ей в теплое мягкое ухо:

— Спи, маленькая, спи.

Ресницы ее сами собой сомкнулись...

Вдруг ей почудилось, словно кто-то смотрит на нее — пристально, нежно. Да нет же никого! Аленка и глаза протерла. И увидела высоко-высоко над собой одинокую звездочку. Она будто заблудилась в небе. Она была как росинка. Истекала синим, мерцающим светом...

То, что пришло Аленке на ум, вытеснило все обиды.

— Киря! — вскочила она, — а мы телушку-то не назвали!

— Правда! — шагнул к ней от костра Кирик.— Как ее, а?

— Иди сюда, смотри...

Кирик окинул взглядом вершины деревьев, небо... Как бездонна, странно волнующа его глубина — зеленоватого, налитого ночным мраком неба! Недвижно стоят островки серебристых облаков. Звезда прорезала непроглядную глубину лучиком света. И все ближе, ближе она, все ярче сияет из таинственной дали.

— Видишь?— шепнула Аленка.

— Ага.

— Хорошо?

— Еще бы!

Ночная птица налетела на свет костра, взмыла над поляной, вся розовая в отблесках пламени, и, бесшумно махая крыльями, пропала за деревьями и там закричала тоскливо, точно заплакала.

— Ой, — испуганно сжалась Аленка.

— Звездочка!.. — засмеялся Кирик, закружил ее. — Ты молодчина! Мне бы нипочем так не придумать!

Не скоро успокоились ребята.

Кирик расписывал Аленке, как он отыскал Красавку, прибавляя все новые подробности. Аленка ахала.

Своенравная корова, оказывается, ни за что не отзывалась, хотя Кирик не однажды проходил совсем рядом.

— В двух шагах! Вот этак... Думаю: «А что если боталом побрякать? Не скажется ли наша холмогорка? Решит, что тут стадо пасется, и голос подаст...» И давай я боталом названивать. И Звездочка замычала! Басом!

— Вот умница, — похвалила телочку Аленка. — Первый класс, сразу видно.

Вновь тихо под старой елью, шатром щетинистых сучьев нависшей над костром.

— Киря?... — сонным голосом спросила Аленка, примостившись около Звездочки. — Ты не спишь? Нет?.. А ведь твой отец с моим на фронте переписывались, потому что очень дружили. Всегда дружили, когда еще твой отец был председателем колхоза, а мой — просто бригадиром...

— Ага, — отозвался Кирик, — дружили. А что?

— Давай и мы, ладно?

— Ладно!

— Навсегда... И обо всем будем разговаривать, и ссориться не будем, ладно?

— Ага, — кивнул Кирик.

Его голову так и клонило книзу. Но Кирик решил продежурить остаток ночи у костра. Тут лес, дикие звери, и мало ли что может случиться?

— Алена, о чем мы станем разговаривать?

Аленка сладко посапывала носом. Спала, положив щеку на ладонь. Кирик подошел, набросил на девочку свой пиджак.

— Небось у костра не замерзну.

Когда под утро пришли сюда искавшие всю ночь Красавку зоотехник Наум Назарыч и доярки, их глазам предстала такая картина: на пне сидит Кирик и клюет носом. Спит Аленка. По дымчатой от росы траве бродит Красавка. Под боком у нее черно-пестрый, с белой залысинкой на лбу теленок. На шее теленка — большущее ботало.

Гремит ботало, поет на всю лесную округу... А может, еще дальше?

СОДЕРЖАНИЕ

Рога менурея	3
Комета с Мадагаскара	9
Капитаны	15
Кубики	41
Игнашкина тайна	51
Полярники	58
Щука	65
Звездочка	72

для ДЕТЕЙ СТАРШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Иван Дмитриевич Полуянов.

РОГА МЕНУРЕЯ

Редактор *Л. И. Одинцова*

Художеств. редактор *В. С. Вежливцев*

Художник *С. Г. Григорьев*

Корректор *Р. В. Карташова*

Сдано в набор 15/1 1960 г. Полп. к печ. 5/II 1960 г. Форм. бум. 60х84^{1/2} мм. Физ. печ. л. 5,75.
Усл. печ. л. 5,23. Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 30 000. Сл 00393. П53.

Архангельское книжное издательство.

Изд. № 3923.

Заказ № 2106.

Цена 3 руб.

Типография им. Склепина, г. Архангельск, Набережная им. Сталина, 86.

3 руб.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960